

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ЖЕСТЬ

ИЛИ
ЛЕДИ-МАФИЯ

Владимир Григорьевич Колычев

Леди-мафия

**Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164754

Владимир Колычев. Леди-мафия: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-10668-5

Аннотация

Ириха – вот так, без сантиментов, зовут эту девушку. И немудрено – она главарь бандитской группировки, «держачей» подмосковный городок. Чтобы добиться такого «статуса», надо иметь железный характер. А Ириха его имеет – она беспощадна к врагам и не боится крови. Но слабости есть у каждого. Ириха все швырнула к ногам любимого и ожидала чего угодно, но только не того, что случилось...

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
1	4
2	27
3	72
4	95
Глава вторая	131
1	131
2	147
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Владимир Колычев

Леди-мафия

Часть первая

Глава первая

1

Вадим Ящуров с неприязнью смотрел на серые коробки домов, громоздящихся по ту сторону пустыря. Восемь десятиэтажек вдоль Окраинной улицы – в них жили его враги.

В который уже раз ему и его команде предстоит схлестнуться с ними в жестокой драке.

А вот и они, идут – не остановишь.

Окраининские – человек двадцать – шли косяком. Впереди Кабан, их центровой. Многие с палками, кое у кого велосипедные цепи. А те, кто с пустыми руками, наверняка держат в карманах по кастету. Неплохо вооружились!

Но и его пацаны тоже не промах. И с дрынами они, и с цепями, и со свинчатками.

Вадим обернулся и посмотрел на своих. Их всего пятна-

дцать. Но каждый стоит двоих. Не зря же он отбирал в свою команду самых, самых. И кулаками действовать умеют, и сила в руках на зависть врагу. Упорно работали с тяжелыми железяками в подвале, качали мышцы. Их так просто не возьмешь.

Сразу за его спиной Сема Усик. Этого молодца хлебом не корми, дай кулаки почесать. Друзья они с ним, не разлей вода...

О! А это чудо откуда взялось?

Со стороны домов, обступивших Линейную улицу, по пьестырю к ним бежала Ириха. Нейметса ей. Подраться захотелось. Даже дубинку прихватить не забыла.

Хорошая девчонка. Своя в доску. Ни к кому он так не относится, как к ней. Как сестра она ему. Вместе выросли, много общего у них.

Огонь-девка! Уличной закваски. И шустрая, и сметливая, и на язык остра – за словом в карман не лезет. Любого вмиг обломает. А грубить ей нельзя. Может ответить, да так, что мало не покажется. Кулак у нее – есть кому подтвердить – тяжелый.

Шестнадцать лет ей, скоро семнадцать. Башковитая девчонка. В школе учится, не в пример ему, почти без троек. И в жизни разбирается. Ни матом, ни разговорами о сексе в краску ее не вгонишь. Сама кого угодно смутит. С виду кажется легкодоступной. Но на самом деле это вовсе не так. Знает себе цену, ни под кого не ложится.

А вот под него, под Вадима, она бы легла. Влюблена она в него. Так преданно всегда на него смотрит... Но, увы, он не питает к ней ответных чувств. И зря, ведь девчонка она красивая, хоть и косит под пацана. Личиком ее всякий залюбуется. Глаза, носик, ротик, щечки – все прекрасно. И фигурка ладненькая... Да, в такую бы не грех влюбиться.

Но всего лишь друг детства она для него, сестра, и этот образ укрепился в нем намертво. И его уже не выбьешь, не заменишь новым... Хотя всякое может быть. Ведь ему всего семнадцать. Вся жизнь впереди...

Зря она все-таки приперлась сюда. Драка предстоит жестокая. Изувечить могут. Она девчонка отчаянная, к «махалову» ей не привыкать. Но шрамы женщин не украшают.

– Я же сказал тебе, не высовывайся! – прикрикнул он на нее, когда она поравнялась с ним.

– Ну да, буду я киснуть в стороне, когда тут такие дела! – Не очень-то она его и боялась.

– Смотри, пожалеешь...

Будь время, он бы силой прогнал ее отсюда. Но времени не было. Окрайнинские совсем близко.

Колька Куракин, звероподобный детина с пудовыми кулаками. Резкий, напористый, жестокий в бою. Не зря его Кабаном прозвали. С таким просто так не справишься. Но он, Вадим, его не боится. Знает, как сладить с ним.

Ведь его и самого слабаком не назовешь. Рост сто восемьдесят, в плечах косая сажень. Кулак твердый как камень. Так

врежет... Недаром Ящером его называют.

Надо бы перемолвиться с Кабаном. Может, согласится обойтись без дубин. Хотя вряд ли. Окрайнинские больше портвешок и «травку» любят, чем железо ворочать. А потому уступают им в силе. А с палками и цепями они хоть как-то компенсируют этот недостаток.

Враждующие стороны сошлись на пустыре, как футболисты на поле перед матчем. Вадим и Кабан остановились один перед другим на расстоянии удара.

– Скажи своим, пусть бросят дубины, – сказал первый. – Тогда и мы бросим...

– Что, обосрались? – захохотал второй.

На его губах заиграла гадливая ухмылка.

– Заткнись, урод...

– За урода ответишь... Давай один на один... Что, ссышь?

Он боится этого придурка? Ну и смехота!

– Срать я на тебя хотел!

Все, разговор закончен!.. Вадим чуть пригнулся и четко отработанным ударом ноги врезал Кабану по яйцам. И тут же ударил снова, по тому же месту.

Кабан согнулся, закрыл руками побитые чресла. И заревел, как раненый зверь. Но никакой жалости к нему Вадим не испытывал. Напротив, ярость только усилилась.

Он схватил врага за волосы и резко поднес к его голове свою коленку. С перебитым носом Кабан осел на колени. Но тут же быстро вскочил и отлетел назад. Закрывая рукой

кровоточащую сопатку, он извлек из заднего кармана «кнопарь». С громким щелчком вылетело острое лезвие.

– А ты пику-то брось, мурло! – послышался голос Усика. – А то сам, падла, на нее и напорешься.

– Сема, давай дубину! – потребовал Вадим.

И тут же в его руках появилась тяжелая, гладко оструганная палка. Кроме того, он вооружился и кастетом.

Вадим первым бросился в атаку. Кабан встретил его широким взмахом руки. Лезвие блеснуло на солнце перед самым носом. И снова взмах. Но на этот раз вражья рука наткнулась на быстро выброшенную вперед палку. Удар по запястью оказался достаточно сильным, и нож отлетел в сторону...

Обе стороны схлестнулись в жестоком побоище. Решался важнейший для них вопрос. Чья команда сильнее, кто хозяин в новостройках...

Вадим принял на себя сразу четверых. Одного тут же отправил в глубокий нокаут. Второго и третьего оттянули подоспевшие пацаны из его команды. С четвертым пришлось повозиться. Вася Канапырь, серьезный соперник, его так просто не возьмешь.

Схлопотав тяжелым ботинком под нижнее правое ребро, Вадим пропустил и второй удар. Дубовая палка опустилась ему на голову. Из глаз полетели искры, во рту появился острый вкус ржавчины. Но сознания он не потерял. Прочный у него череп!

И снова Канапырь замахнулся для удара. Да только Вадим опередил его, врезал кастетом в челюсть. Вторым ударом собирался и вовсе вырубить Васю. Но вовремя остановился.

Краем глаза заметил, как к месту побоища тихо, без завываний, подкрадываются два ментовских «лунохода».

Вот их-то сейчас как раз и не хватало...

– Атас! – крикнул он и отступил от пошатнувшегося противника.

Как будто бомба разорвалась среди дерущихся. Побросав палки и подхватив под руки тех, кому досталось больше всех, они бросились наутек. Кому ж хочется угодить в лапы легавым?

Вадим мог бы добить и Канапыря, и Кабана, который уже почти оправился от ударов. Но зачем? Попасть под ментовский пресс – этого не пожелаешь даже врагу.

Убегая, он окинул прощальным взглядом поле недавней брани. Ни одного лежачего. Значит, ментам не к чему будет придраться. Погоняют их и успокоятся.

* * *

А у ментов задумки серьезные. Разогнать – этого им мало. Им бы зацепить кого, затолкать в «луноход». Вот и гонятся их машины по пятам за ними. Да только не видать им улова.

Пустырь-то неровный. Рытвинам числа нет. Не пройти ментовским тачкам через эти препятствия. А вот ему, Семе,

добраться до своего квартала – плевое дело.

Менты отстали. Одна машина остановилась, другая отвернула в сторону и, сотрясаясь на ухабах разбитой дороги, направилась к домам по обходному пути.

Но Сема не заметил маневра второй машины. Насмехаясь в душе над незадачливыми ментами, он уже подбегал к ближнему дому своего квартала.

Рядом с ним бежала Ириха, она улыбалась ему. Ее улыбка окрыляла.

Ведь он неровно к ней дышит, втрескался в нее по самые уши.

Особенная она, эта Ириха. Все бабы из их команды трахаются напропалую. И ругаются похлеще грузчиков в порту.

Ириха ведет себя так же отвязно, как и они. И материться умеет, и портвешка вместе со всеми хлопыстнет – не поморщится. Но вот базара насчет «палки» с ней лучше не заводи. Такое выдаст – уши в трубочку свернутся. А одному, особенно настойчивому, так по яйцам врезала – неделю ходил враскорячку.

Впрочем, с другими девками она в сравнение и не идет. Она в центре, третья после них с Ящером. Ее слово имеет большой вес. Даже те, кому уже за двадцать – а таких много, – ее слушают.

Драться-то она умеет. Но вот сегодня ей могли всыпать по первое число, накостылять дубинами или исполосовать цепями. И шрамы на лице и теле на всю жизнь остались бы.

Да только разве мог Сема отдать на растерзание такую цацу? Вот и пришлось изворачиваться, отбиваться самому и ей прикрытием быть.

Что уж говорить, досталось ему. Один против троих – это не шутка. Особенно если те со штакетинами и цепями, а ты ни с чем. Дубинку свою пришлось отдать Ящеру – только кастет и остался.

Но он, Сема, не растерялся. Дикой кошкой прыгнул на самого ближнего, заблокировал руку с цепью. А удар головой в переносицу был козырным. И добивающий – кастетом в челюсть – удался. И цепь отобрал. И успел закрыть собой Ириху, пока другие двое не добрались до нее.

Как будто в жернова мельницы он попал. Не успеет увернуться от цепи, получит палкой. Уйдет от дубины, и тут же цепь врежется ему в спину. А один раз та же цепь полоснула по щеке. До крови распорола! Хорошо, глаз не выбили... Но и он в долгу не остался.

А третьему досталось от Ирихи. Сзади к нему подобралась, ухватила за волосы и потянула на себя. И тут же подсечка. Грохнулся бедняга на спину. Да только вот добить его не успели. Менты всю музыку испортили.

Атас! Уноси ноги!.. Ну вот, они и уносят. Попробуй их догони!..

Помог он Ирихе, защитил ее от ударов. На этот раз его труды оценены по достоинству. Он награжден признательной улыбкой... И плевать на боль, на кровь из щеки. Он не

замечает этого. Главное, Ириха рядом с ним, она вверила себя его опеке. И он не подведет...

Семен и Ириха вбежали во двор между тремя домами. В одном из них открыт подвал. Там можно и отсидеться.

Но что это?

Из-за поворота выскочил вдруг ментовский «луноход» и преградил им путь. Вот-вот из него высыпят легавые.

Беда в одиночку не приходит.

– Ой!

Семен обернулся и увидел гримасу боли на Ирихином лице. Она стояла на одной ноге, подтянув к себе другую.

– Что такое?

– Да ходулю, блин, вывихнула.

На размышления времени нет. Семен схватил Ириху на руки и, не чувствуя тяжести, побежал к ближайшему подъезду.

А менты уже выскочили из машины, бегут за ними.

И вот он в подъезде. Но куда дальше? На чердак? А если он заперт?.. Но если даже и нет замка на люке? Менты – народ ушлый, везде достанут...

– Эй, какие проблемы? – услышал Усик чей-то голос.

Он обернулся. За его спиной стоял парень лет двадцати. Высокий, крепко сбитый, полуулыбка на смугловатом лице. В руках пустое ведро из-под мусора.

Парень смотрел не на него, на Ириху. Смотрел с интересом. Неужто глаз на нее положил... А на морду совсем не

урод, такие девчонкам нравятся. Брюнет, глаза синие, рыло породистое...

– Сдерни отсюда! – Во взгляде Семы отпечаталось глубочайшее презрение к незнакомцу.

– Милиции ты этого не скажешь. А она уже совсем близко, – парень лениво выглянул во двор.

– Да пошел ты! – бросил Усик, уже не глядя на него.

Он пробирался к лифту.

Удача! Дверцы распахнулись перед ним, едва он прикоснулся к кнопке.

Парень с ведром зашел в лифт вместе с ними.

– Слушай, ну чего ты прилип? – Ирихе тоже не нравились взгляды, которые бросал он на нее.

Сема уже опустил ее на пол. Какой смысл держать на руках, пока они в лифте?

– А может, я влюбился в тебя, – без тени смущения отозвался незнакомец.

Он что, непробиваемый?

– Слышь, придур, ты меня уже достал! – набычился Усик.

Если он так сказал, значит, терпение у него кончилось.

Самое время бить морду.

Коротко, без размаха, он послал кулак с прицелом в переносицу парню. Этим ударом он обычно вырубал напрочь всякого. Да только на этот раз номер не прошел. Не достигнув цели, его рука попала в жесткий блок. И тут же чужой согнутый палец ткнулся ему в солнечное сплетение.

Дыхание перехватило, тело наполнилось парализующей болью, свет померк перед глазами...

– Эй, ты че, офигел, придур!

От возмущения Ирина не могла найти других слов, кроме ругательных.

Кто он, этот муфлон, чтобы поднимать руку на Усика? Семен и она из одной команды. И радости и беды у них одни на всех. Друг за друга они горой... А этот, чистенький такой, аккуратненький, гладко прилизанный... Откуда он взялся? Кто он такой, чтобы бить Сему?

А удар у него, надо признать, будь здоров! Резкий, сильный, точный. Так под дых бьют каратисты, по виду ку показывали...

Усик захватил ртом воздух, закатил глаза и начал оседать на пол.

Ну, все, труба! Этот муфлон, чтоб он сдох, вырубил Сему начисто... Как же теперь быть? Как уйти от ментов?

Дверцы лифта закрылись прямо перед носом у одного из мусоров. Наверняка они продолжают погоню...

Неужели влипли?..

В это время лифт остановился, дверцы распахнулись.

Парень отбросил в сторону ведро и подхватил бесчувственное тело Семы под мышки. Оторвал его от пола и потащил к выходу, на площадку перед квартирами.

– Эй, куда ты? – засуетилась Ирина.

– Не болтай, нет времени... Дуй за мной... Дома у меня

побудете...

Он подтащил тело Семы к двери своей квартиры, быстро вставил ключ в замочную скважину.

Ирина на одной ноге пропрыгала вслед за ним. Можно было и ведро с собой прихватить. Ну да, еще чего! Пусть в лифте покатается...

Еще неизвестно, можно ли верить этому типу. Может, в какую ловушку заманивает.

Незнакомец открыл дверь, зашел в квартиру и втащил за собой Усика, вроде приходящего в себя.

Ирина оказалась в квартире последней. Захлопнув дверь, она припала к глазку.

Ждать пришлось недолго. Вот он, товарищ мусор. Тяжело дыша – комплекция у него о-го-го – протопал к лифту, нажал на кнопку, заглянул внутрь пустой кабины, когда дверцы раскрылись.

Что, слопал! Ирина хихикнула.

Мент осмотрелся по сторонам. Наверняка догадался, куда делись беглецы. Только не знал, в какой именно квартире они скрылись. Махнув рукой, он направился вниз.

– Да-а, ну и видок у твоего дружка! – протянул за ее спиной незнакомый парень.

– А тебе что за дело? – окрысилась Ирина, оборачиваясь к нему. И тут же сменила гнев на милость. – Спасибо, выручил...

И действительно, чего это она с ним так. Ведь он, можно

сказать, спас их.

– Ты еще и спасибо умеешь говорить! – с безобидной иронией улыбнулся он.

И так посмотрел ей в глаза... С ума сойти! Он что, влюбился в нее?

– Подкальываешь? – Ирина улыбнулась в ответ. А чего, может, он свой в доску. Подумаешь, Усика стукнул. Так тот сам первым руку поднял. Будет ему урок...

– Эй, где это я?

О! Очнулся! Ирина ухмыльнулась, глядя, как Сема пытается встать на ноги. Протянула ему руку. Как-никак, они из одной связки.

– А этот мутила чего здесь делает? – спросил Сема, прочно заняв вертикальное положение. В прихожей стоял полумрак. Но лицо хозяина квартиры он разглядел. А не узнать его он не мог.

– Я не мутила. А ты, грубиян, у меня в гостях. – Незнакомец, похоже, не умел обижаться.

Но нет, скорее всего у него просто железная выдержка. Ирина посмотрела на парня с невольным уважением.

– А какого крена мы у тебя здесь делаем? – Сема не унился. Ущемленная гордость заела.

– Да остынь ты! – осадил его Иринка. – Человек от ментов нас затер, а ты бочку на него катишь.

– А, тогда ладно...

Но приветливости во взгляде Усика не прибавилось. Все

так же смотрит волком на своего обидчика.

– Кстати, меня Артемом зовут.

Иринка промолчала. Усик что-то буркнул в ответ. Но имени своего также не назвал.

Но Артему было все равно.

– А чего мы здесь стоим? Давайте в комнату. У меня кока-кола есть, каждому по баночке, – сказал он.

– Нам некогда, – покачал головой Сема.

Он такой, его никаким калачом не приманишь. Зол он на Артема и никогда не захочет видеть его в своих приятелях.

Да и тот, похоже, к этому нисколько не стремится. Чхать он хотел на Усика. Ему она, Иринка, нужна. Вон, как смотрит на нее.

Иринка же зажмурилась на миг в предвкушении удовольствия. В такую жару кока-колы хлебнуть в самый бы раз, холоденькой.

В последнее время стали появляться коммерческие бары со всяким заморским товаром. И кока-колу иногда в баночках продавали. Но попробовать сие чудо ей не доводилось. Причина проста: нет бабок.

– Хочешь, иди, – она равнодушно посмотрела на Сему. – А я останусь.

– Ну да, иди!..

Он глянул сначала на нее. Затем на Артема, неприязненно и с подозрением. Нет, этот ее так просто от себя не отпустит. Втюрился он в нее и уже давно этого не скрывает. Да только

на взаимность пусть не надеется.

Усик внешне хоть куда. Ростом не удался, но фигура ладная – широкие плечи, узкие бедра и совсем не плоский зад. И лицо симпатичное. Полные, красиво очерченные губы, широко распахнутые глаза, роскошные брови. Только все это какое-то грубое. Но с каких пор грубость портит мужчин?..

Но не это главное. Есть в нем мужская сила, этот природный магнит.

Но никогда она не будет с ним. Никогда!

Вадим – вот за кем она пойдет хоть на край света. Она любит только его и никогда не полюбит другого...

Ей уже шестнадцать, а она все еще девочка. Но никому, кроме Вадима, она не отдастся. Только вот не зовет он ее за собой. Не любит ее. Но уважает, в его глазах она стоит наравне с тем же самым Усиком, его лучшим другом.

Не любит... Ничего, скоро все будет по-другому. Изменится она сама. Хватит быть похожей на мальчишку. Хочешь завоевать мужчину, обретай женственность, походку меняй, волосы отращивай, за лицом ухаживай. И за языком следи. Так она и поступит. Не за горами тот час, когда он увидит в ней женщину...

Итак, ей предложили кока-колу.

– Ну что, хозяин, веди гостей. – Иринка беззастенчиво глянула на Артема.

А квартирка у него просто шик! Дорогая мебель, ковры. Чистота идеальная.

Своя комната у него, светлая, просторная. И в ней тоже хорошая мебель, ковры, золоченые обои. Никаких излишеств в виде голых женщин на стенах. Все строго, по полочкам. А может, он зануда непроеходимый?

Впрочем, какая ей разница? Ей с ним не жить. Хотя, если честно, неплохо бы пожить в этой роскоши хоть немного. Даже видак у этого Артема есть, японский, как и телевизор. Полеживала бы себе на кожаном диванчике, потягивала бы пивко импортное да боевички бы целыми днями смотрела.

Но нет, ей здесь не жить. Даже если Артем позовет. А такая возможность, как ей кажется, не исключена...

Как смотрит он на нее, как смотрит!

А парень, стоит признать, он хоть куда. Волосы черные как смоль, гладко причесаны, широкие надбровные дуги, глаза синие – обалдеть, волевой подбородок...

Но она не будет с ним, имей он хоть сто таких квартир!..

И вообще, с чего это она взяла, что с Вадимом, если все у них сладится, они будут жить в бедности. Не сомневайтесь, от этой жизни они возьмут все!

– Ты о чем-то думаешь? – спросил ее Артем.

Он протянул ей баночку с кока-колой.

Такую же баночку он дал и Усику, но при этом даже не взглянул на него.

Ирина не ответила на вопрос. Плюхнулась в свободное кресло, повертела в руках банку.

Как же она открывается?

– Открой! – Она протянула банку обратно.

– Не умеешь?

– А что, если впервые вижу эту дребедень, значит, не человек? – сверкнула она ледяным взглядом.

В глазах Артема отразилась растерянность.

– Ты не думай, я не хотел тебя обидеть.

Иринка криво усмехнулась. И промолчала.

Он откупорил жестянку и протянул ее Иринке.

Сема справился с банкой своими силами. Он также не был спецом в этих делах. Но внимательно следил за действиями Артема и быстро смекнул, что к чему.

– А кто у тебя предки? – вяло спросил он.

– Отец в загранку ходит. Капитан дальнего плавания. Мама универмагом заведует... Но они в разводе.

Возможно, последняя фраза сама по себе слетела с его уст. А может, это был просто ход. Хотел выставить себя ущербным, таким же, как и она, Иринка. Понял, что между ними пропасть, и захотел перепрыгнуть через нее.

Да только ошибся, дружок. Уж кто-кто, а она ущербной себя не чувствует!

Кажется, она засиделась в гостях. Пора уходить. Надоел ей этот чистоплюй с его стерильными хоромами. Иринка уже собралась подняться, чтобы уйти, когда дверь в комнату отворилась. На пороге нарисовалось хрупкое юное существо.

Среднего роста, тонкая и стройная как стебелек, большими красивыми глазами на них смотрела девушка, нет, скорее

девочка равного примерно с ней возраста. Только Ирина по сравнению с этим чудом в пышном платье выглядела чуть ли не старухой.

– Артемчик, у тебя гости?.. – спросила девушка. И тут же с испугом: – Ой, что это с ним?

Она смотрела на Сему.

Иринка также взглянула на него. Чего это она так испугалась? Ах да, есть от чего прийти в ужас этому тепличному растению. Щека Усика была располосована цепью, рана кровоточила. Но никто не обращал на это внимания, и прежде всего он сам.

– У вас рана, – озабоченно проговорила девушка и подошла к нему. – Вас что, не пугает заражение крови?

Она взяла его за руку.

– Пойдемте, я обработаю вашу рану, пока не поздно.

– Да ладно, не надо, – засмутился вдруг Усик. – Это пустяк...

– Только не нужно спорить! – мягко, но в то же время требовательно сказала она.

– Прошу любить и жаловать, моя сестра! – улыбнулся Иринке Артем. – И спорить с ней, скажу я вам, бесполезно. Вы не смотрите, что она такая маленькая...

– Помолчал бы ты, Артемчик... – даже не глянув на него, журчащим как ручеек голосом сказала ему сестра.

– Молчу, Леночка, молчу!

Что это с ним? Почему у него распорота щека? Наверное, дрался с кем-то?.. Ой, как интересно!

Леночку не пугал вид крови. Напротив, она даже находила какое-то удовольствие, когда ей доводилось перевязывать раны. Возможно, именно поэтому она и собиралась стать врачом.

Не спрашивая его согласия, она отвела парня в ванную, где находилась домашняя аптечка. Ей нравилось ощущать власть над этим крепышом, все естество которого лучилось скрытой в нем внутренней энергией. Ей вообще нравилось ощущать власть над мужчиной.

Парень послушно снял с себя грязную майку.

– Как тебя зовут? – официально, сухо – как-никак, а для него она уже врач – спросила Леночка.

– Семен, – буркнул он.

Он что, стесняется ее? Наверное, так... Ее охватило вдруг странное возбуждение.

– Семен, вам придется немного потерпеть, – тихо сказала она.

Рана оказалась не такой уж страшной, как ей подумалось вначале. Неглубокая, совсем не обязательно накладывать швы...

Наверное, достаточно будет обработать ее йодом...

Губы Леночки скривила демоническая улыбка. Ей вдруг так захотелось сделать ему больно...

Смочив йодом тампон, она мягко коснулась им раны.

Семен поморщился от боли, но не издал ни звука. Жаль. Ей так хотелось видеть его страдания...

* * *

Лена ушла и увела за собой этого полудурка с рассеченной щекой. Артем оторвал взгляд от двери, за которой скрылась сестра, и перевел его на сидевшую напротив девушку.

Дикая она какая-то. Уличная девчонка. И красивая, необычно красивая. В ней много мальчишеского – манеры, одежда, прическа. Но за всем этим женщина, настоящая красавица. А глаза у нее волшебные. Большие, зеленые.

Артема одолевали незнакомые чувства.

Любовь. Любовь с первого взгляда... Неужели это произошло с ним? Неужели он влюбился в эту пацанку с пшеничными волосами?..

– Как же тебя все-таки зовут? – спросил он.

– Ириха, – по-будничному просто назвалась она. И даже улыбнулась ему. Хотя глаза по-прежнему смотрели с отчуждением. Ну чужой ты, чужой, говорили они. Чистенький, ухоженный, не из нашего, уличного мира.

– Ты, наверное, думаешь, что я маменькин сыночек? – Это в нем заговорила обида.

– Да нет, – пожалала плечами она. – Маменькины сынки так не дерутся... Кстати, а где ты этому научился?

В ее вопросе почти отсутствовал всякий интерес. Так, для поддержания разговора, из вежливости спросила.

– Это карате-до. Отец мой им «болеет». И меня заразил. С пяти лет дрессирует. Вот уже пятнадцать лет занимаюсь...

– Пятнадцать лет? Это круто... Выходит, тебе сейчас уже двадцать?

Быстро подсчитала. Значит, разговор с ним уже начинает захватывать ее. Это хорошо.

– С небольшим...

– Учишься или работаешь?

О, да она уже по-настоящему интересуется им. Артем повеселел.

– Учусь.

– Где? В институте каком?.. Ну да, конечно, в институте.

И в армии, наверное, еще не служил...

– А вот тут ты не угадала. Я в военном училище учусь. В Рязанском десантном. Может, слышала о таком?

– Так ты что, военным будешь?

В глазах Ирины вспыхнул живой интерес. Сейчас она явно видела в нем не маменькиного сыночка, а мужчину, выбравшего суровый жизненный путь.

– А я уже военный. Три года таскаю солдатские сапоги. Еще год, и офицером-десантником стану.

– Ништяк, – ее голос наполнился восхищением.

Но тут же она снова заползла в свою раковину. Ее взгляд потух.

Странная все-таки девчонка. Но в этом и вся ее прелесть.

– Между прочим, я сейчас в отпуске. А он скоро заканчивается. Через неделю, – осторожно начал Артем.

– И что дальше? – Ирина даже не глянула на него.

– Три недели я уже в этом городе. Квартиру отец получил совсем недавно. А потому я никого здесь не знаю... В общем, я рад, что узнал тебя... И хочу продолжить наше знакомство.

Квартиру в Краснинске, в этом небольшом подмосковном городе, отец Артема получил полгода назад. Деньги у него водились, и до очередного выхода в море он успел сделать в жилище ремонт и обзавестись дорогой мебелью.

Его бывшая жена жила в Москве со своим новым мужем, которого Артем не больно-то жаловал. Поэтому он с удовольствием принял предложение отца провести отпуск в его пустующей квартире. Время от времени его навещала сестра, а так он жил здесь один.

Ему было скучно. Но ему нравилась такая жизнь. Сам себе хозяин, лежи весь день на диване, смотри видак. О такой жизни в училище он мог только мечтать.

Без женского тепла, конечно, плохо. Но о рязанских подругах уже не хотелось и думать. Ирина затмила всех. И он будет полным идиотом, если не попытается удержать ее возле себя.

– А как это – продолжить знакомство? – усмехнулась Ири-

на. – Дружить или грахаться?

У Артема перехватило дыхание. Ее слова шокировали его. Но она, видно, этого и добивалась. В ее глазах светилась ирония.

– Я бы хотел с тобой дружить, – он быстро пришел в себя. – А если ты не прочь, я был бы рад с тобой переспать...

– Переспи сам с собой. А обо мне забудь. Я не сплю с кем попало. Вернее, я вообще ни с кем не сплю... Да, я уличная девчонка, у меня плохие манеры. – Ирина начала заводить-ся. – Мне глубоко плевать на общественное мнение. Но это не значит, что я только и мечтаю лечь под мужика... Я не шлюха, запомни это!

– Да я знаю, что ты не шлюха!

Артем уже жалел о своей глупой смелости. И кто его только за язык дернул...

В это время в комнату вошел Семен.

– Короче, дядя, нам пора, – сказала Ирина, глянув на него. – Мы пойдем.

Она встала, скользнула по Артему насмешливым взглядом и направилась к выходу.

– Где я могу найти тебя? – шепнул он ей на ухо, когда Семен не мог этого слышать. Цеплялся за последнюю возможность удержать ее.

– Вот, блин, прилип, – развеселилась она. – Ты, дядя, симпатичный малый, есть в тебе что-то, – казалось, она хочет хотя бы напоследок загладить свою грубость. – Но я твоей не

буду, и не жди. Забудь обо мне... Пока, голубь!

– Слушай, отвали от нее! – насупился Семен. – Не то худо будет. Пожалеешь!

– Да пошли вы знаете куда! – разозлился Артем и с силой захлопнул за ними дверь.

У него, между прочим, тоже гордость есть!

2

– Вадим, сегодня первое сентября, – рука матери тронула его за плечо.

Вадим открыл глаза и рывком поднялся с кровати. Посмотрел на мать.

Десяти ему не было, когда погиб отец. На заводе он работал, мастером в цехе. Где-то что-то загорелось. Требовалось обесточить конвейерную линию. Вот он ценой своей жизни и обесточил. Герой!

После его гибели мать получила однокомнатную квартиру. Живи да радуйся. Да какая радость растить сына одной.

Первое время она держалась. А потом пить начала. Какие-то мужики появились. Пока был мал, терпел. А злость копилась. Когда подрос, окреп, злость наружу вылилась. Одному ухарю морду в кровь, другому...

Скоро мать поняла, кто в доме хозяин. Почувствовала крепкое мужское плечо. И как будто мозги ей подменили. На работу после долгого перерыва устроилась. Почти не пьет.

Мужиков в дом приводить и не пытается. Может, и есть у нее, но он об этом не знает.

Раньше он не больно-то жаловал ее, даже брезговал порой. Но сейчас, когда мать изменилась, стала прежней, заботливой и ласковой, дремавшая любовь к ней воскресла.

Хорошо, когда есть мать. Особенно такая, которая не забывает о начале нового учебного года и сообщает об этом сыну... Вадим не смог сдержать улыбку.

Первое сентября, крен бы его побрал. Так неохота тащиться в школу...

– Уже десять часов, – словно оправдывалась мать. – Я не хотела тебя будить...

А она у него понятливая.

– Но учиться все одно надо...

– Надо, – хоть и неохотно, но согласился он.

– Кстати, тут друзья твои заглядывали. Но в школу они тоже, похоже, не собираются...

– Ясное дело, – буркнул Вадим. – Первого сентября в школу – это все равно что с ходу в ледяную воду... Я, наверное, тоже повременю...

– И повремени. Отдохни еще пару деньков, – улыбнулась мать. И тут же нахмурилась: – Но не больше!

* * *

Как на вражескую крепость смотрел Вадим на белые кор-

пуса школы. Красивые нарядные здания, светлые с телевизорами кабинеты, приветливые учителя. Таких школ в Союзе раз, два и обчелся. Он слышал об этом от знающих людей и даже в чем-то соглашался. Но все равно на уроки шел как на каторгу...

– Может, в сквере на лавочке перекантуемся? – с кислым видом спросил у него Сема.

Давно он уже не видел его таким убитым. И ему школа – как нож к горлу.

Учиться они с Семой начали в один год. Затем Сема вырвался вперед, а он застрял во втором классе. Но скоро догнал его, когда тот «не захотел» переходить в четвертый. Вот так и дотянули вместе до десятого.

Их, конечно, могли бы выпроводить из школы после восьмого. Учитесь, мол, пацаны, в пэтэу и не морочьте учителям голову. Да только до «бурсы» далековато, да еще в «бурсу» наострили лыжи почти все крайнинские, их заклятые враги. Пришлось бы начинать войну за «место под солнцем». И неизвестно еще, кто бы победил.

Словом, дабы продолжать учебу, пришлось идти на стговор с директором, брюхатым Ермолаем. В обмен на «путевку» в девятый класс Вадим обещал ему тишину и спокойствие в старших классах.

«Ну ты и штучка, Ящуров, – сказал директор напоследок. – Хулиган ты, грубиян и двоечник. Но голова у тебя варит. Далеко пойдешь... если не остановят».

Год назад, чуть больше, случился этот разговор. И директор, похоже, пока о нем не жалеет.

В девятый класс Вадим пришел совсем иным человеком. На уроках сам не шумел и другим не давал. Курил строго в отведенных местах – иногда даже не взятяжку. Драк не устраивал – ну, подумаешь, кое-кому пришлось рога поотшибать, так это ж для порядка, чтоб на уроках не выстегивались. И воцарился в школе порядок...

И только в одном не изменился он. Как был двоечником, так и остался. И уроки частенько прогуливал. Ну не нравится ему учиться, хоть убей! А надо... Аттестат бы получить, пусть там хоть одни тройки будут.

Последние три года Вадим всерьез занимался культуризмом. Разве плохо быть крепким и сильным? И пацанов из своей команды к этому делу пристроил. Это лучше, чем водку жрать да «травку» шмалить. «Качались» до одурения все лето напролет. В подвале у них прохладно, хорошо. Уж куда лучше, чем во всяких там трудовых лагерях. Пусть дураки туда ездят... А результаты... Вон у него самого какие плечи, какие бицепсы. И у Семы, и у Вована, и у Беса. А Гирла с Веслом, так эти вообще шкафообразные монстры, людей ими пугать. Но те после армии, им такими быть можно. Чиж, Комар и Лазарь, правда, подкачали. Но и у них тоже есть сдвиги, задохликами не назовешь.

Короче, команда у него сильная. Удержит школу в кулаке и в этом году. И сплоченная. Каждый за другого глотку пе-

регрызет. Тронешь одного, получишь от всех – таков у них закон.

– А учиться когда? – невесело вздохнула Ириха.

– Слушай, что говорят умные люди, – хмыкнул Вадим, подмигнув Ирихе. – Четвертое сентября как-никак, а мы все на каникулах. Непорядок! Школу по частям разнесут, мы и знать не будем...

– А Бес, Вован, Лазарь... Они на какой ляд с первого числа по классам околачиваются? – Сема, казалось, цепляется за последнюю возможность отгулять еще хотя бы день.

– Да не гони ты, Сема, – хлопнула его по плечу Ириха. – Пару деньков поучишься, а там в колхоз загонят... Не нас, других...

– В кайф это тебе, брат Сема, или нет, а давай-ка двигай вперед, за знаниями. – Вадим первым набрался решимости и зашагал к главному учебному корпусу. Сема с Ирихой поплелись за ним.

* * *

– Слушай, Ящер, тут у нас борзые одни нарисовались. – Голос Семы дребезжал от возмущения. Глаза светились кроваво-красным блеском.

Он подошел к Вадиму, едва прозвенел звонок на третий урок.

– О чем ты?

– Да о том... Пятеро их, козлов этих. Все из девярых классов. Крепкие на вид пацаны, скажу тебе. Но мы их в порошок сотрем, только свистни.

– А за что в порошок-то их стирать, ты хоть намекни? Что они, борзые эти, натворили?

– Совсем оборзели. На переменах у малолеток при входе в буфет бабки сшибают...

Вадим задумался.

Город Краснинск не очень большой. Но про такие говорят – мал, да удал. Детище развитого социализма, он задумывался как образцово-показательный рабочий городок. Собирались возить сюда на экскурсии «загнивающих капиталистов». Смотрите, мол, и мы не лыком шиты. Завод золотых изделий, кожевенная фабрика, обувной комбинат, радиозавод – все эти предприятия имели благопристойный вид, ни грязи там, ни бардака. И работали будь здоров! А рядом выстроились красавцы дома, ровные неестественной чистоты улицы, зеленые насаждения, нарядные витрины магазинов. Словом, неплохо смотрелся Краснинск по сравнению с другими подобными городами.

И люди, что главное, работают здесь не за четыре копейки с заработанного рубля. Вот приезжают, например, иностранцы, останавливают прохожего. Сколько зарабатываете, спросят. А тысячу-полторы, ответят. Ба-альшие деньги для простого рабочего. Ну, буржуи думают, что и все в Советском Союзе так хорошо зарабатывают, другим рассказывают.

А если у родителей хорошие деньги, то неплохо живут и школьники. По два, а то и по три рубля приносят многие из них с собой на завтраки. И школа большая, народу хоть отбавляй. Так что урожай у вымогателей перед буфетом солидный.

– Оборзели, падлы, базара нет... – согласился Вадим с Семой.

– Надо наказать их. По сопатке настучать для первого раза, – подхватил тот.

– А дальше?

– Че дальше? Больше не будут бабки под себя грести...

– А кто будет? – многозначительно спросил Вадим.

– Никто... Слушай, а если нам этим делом заняться? – У Семы аж дух захватило. – А ведь это мысль!

– Креновая мысль. Карманы у малолеток трусить, это запахло, – поморщился Вадим.

– Но нам же «капуста» тоже нужна. Чего мы из себя благородных-то корчим. Бабки – они и есть бабки, и не важно, где ты их взял... А ведь они нам нужны... Ты на меня погляди и на себя тоже... Да и Ириха одевается креново...

Вадиму на себя глядеть не обязательно. И без того знал, что одет не очень. Коричневый костюм когда-то смотрелся на нем неплохо, но он уже вырос из него, рукава и брюки коротковаты. И заношен изрядно. То же и с Усиком – совсем обносился бедняга. Но они мужчины, для них одежда не так важна. А вот Ириха – ей-то вовсе не пристало ходить

в дряхленьком школьном платице. В открытую над ней посмеиваться боятся. А втихую кое-кто и насмехается. Бабы – народ стервозный...

Да, что ни говори, а придется им не мешало бы. У остальных из их команды родители не бедствуют, им и без левого дохода неплохо.

Левый доход – это хорошо. Особенно если нет правого... Короче говоря, прав Сема, давно уже пора заняться заколачиванием бабок...

– Верно ты говоришь, братишка, – подумав, сказал Вадим. – Бабки нам нужны.

– Вот и давай закроем у буфета чужую лавочку и откроем свою. – Усик аж расцвел от похвалы.

– Не-а, свою лавочку открывать мы не будем, – покачал головой Вадим.

– Что-то я тебя, братан, не пойму...

– Скоро поймешь... Давай, организуй мне «стрелку» с этими оборзевшими...

* * *

Лева Клоков обожал деньги. С ними все просто, все легко. Хочешь то купи, хочешь это. А он хотел покупать всякие безделушки – духи, косметику, колечки – и дарить их девочкам. Еще он мечтал водить их в рестораны, бары. Ему хотелось чувствовать себя королем, а их своими подданными.

Что скажешь, то и сделают. Девчонки – они такие... Подружек у него, правда, пока не было. Но будут, обязательно будут. Деньги откроют ему доступ к девичьим сердцам. Только, вот беда, денег этих у него пока не так уж много. Но это поправимо...

Выход он нашел довольно быстро. Подговорив дружков, вместе с ними он стал заслоном перед входом в школьный буфет. Такса – десять копеек. Не много, но и не мало. Малолетки «делились» с ним охотно. Ну кому хочется связываться с ним и с его дружками? Ребята они крепкие, вмиг рога поотшибают. И жаловаться боялись. Все по той же причине. Лучше уж без десяти копеек остаться, невелика потеря...

Со старшеклассниками Клоков не связывался. Тут и вони много будет, и по шарам могут настучать. Особенно если на кого-нибудь из банды Ящера нарвешься.

Серьезный тип, этот Ящер. Некоронованный король школы. Говорит, как режет.

Не дурак он, не дурак. Знает свою выгоду. В обмен на этот чертов порядок в школе выторговал себе льготы. И в ус не дует. Только в одном он полный кретин. Школа большая, «богатеньких буратинчиков» в ней полно. Вот, например, буфет. Чем не источник дохода? Или анаша. Это еще прибыльнее. Любителей «шмали» в школе хватает, а удовольствие это не бесплатное. Вот и загоняй клиентам косячки по сходной цене. На широкую ногу дело поставить можно. И Ящер с его-то способностями вполне мог бы его осилить. И

бабки лопатой грести. Но не гребет – то ли от лени, то ли от непонимания. Хорошо хоть другим не мешает. Есть тут кое-кто, кому не лень «травку» сбывать. Он, Лева, даже знает одного из них...

– Ну что, братишка, спасибо тебе, проходи, – Антоша, дружок Левы, покровительственно похлопал какого-то пятиклассника по плечу и милостиво разрешил пройти в буфет.

– А с тебя, чувачок, должок, – сказал Биток, второй его корифан, и получил от испуганного третьеклашки не десять, а сразу двадцать копеек.

Клоков стоял у окна и с удовольствием наблюдал, как «стригут шерсть» его друганы. И сам он иногда подходил к кому-нибудь из малолеток и, по-приятельски обняв, миролюбиво просил оплатить вход.

Сегодня они заработали уже немало, целых двадцать рублей. И еще добавится к этому пятерка-другая. Пару месяцев поработать в том же темпе, и можно будет подступиться к самой Катьке Маканиной, первой красавице в их классе. Пока что она смотрит на него свысока. Рылом, мол, не вышел. Ну ничего, когда он сводит ее в кабак, подарит золотые сережки, она вмиг растает...

– Эй ты, а с меня сколько?

Из раздумья Леву вывел громкий насмешливый голос. Перед ним стоял Сема Усик, второй человек в школе после Ящера. Его гнетущий взгляд сжимал душу. Клокову стало не по себе.

– Я не понял. О чем ты? – Но голос его даже не дрогнул.

Он не «шестерка» какая-то. Он со всеми должен вести себя с достоинством.

– Сколько за вход берешь?

– С тебя нисколько.

Но и грубить ему в его положении не пристало.

– А чего так, ссышь?

– Да нет, – пожал плечами Лева.

– Короче, тебя Ящер хочет видеть, перетереть надо...

– Я не против. Когда я ему нужен?

– А прямо сейчас и покатым. Подождем его в сквере, на лавочке. Он скоро туда подойдет.

Не Ящер будет ждать, а он его. Ему, Лева, дают понять, кто настоящий хозяин в школе. Но он и без того все понимает...

* * *

Сквер начинался сразу за воротами школы. Излюбленное место Вадима и его пацанов. Там у них своя скамейка была. Никто не смел занимать ее даже в его отсутствие.

Когда в сопровождении Иринки, Беса и Вована Вадим пошел к этой скамейке, Усик сидел на ней, раскинув руки. «Оборзевший» же стоял, ему садиться не позволялось. Правильно рассудил Сема, пусть знает свое место.

– Что, малолеток обдираем? – с ходу спросил Вадим у Левы.

Руки он ему не подал. Намеренно.

– Да так, по мелочи, – потерянно ответил тот.

– А кто тебе разрешил это делать? – Он глядел на него, как на пыль под башмаками.

– Кто мне разрешал? – недоуменно посмотрел на него Клоков. – Может, мне у Ермолая разрешение взять или, еще лучше, в милиции, на специальном бланке...

– Заткнись, урод! – Вадим угрожающе надвинулся на него. – Ты у меня должен был разрешение получить. Понял? А если не понял, то я быстро тебе сейчас мозги вправлю...

– Я все понял...

Легко сдается, это хорошо.

– Сколько за день имеешь? Только без луны...

– Тридцатник...

– Неплохо... Короче, будешь делиться. Пятнадцать «рваных» нам, остальное забираешь себе. Понял?

– Но...

– А ты давай без «но». А то это «но» я тебе сейчас в задницу впихну.

– Все, все, я понял. Считай, Ящер, что половина твоя...

– Вот и ладно... Договорились мы с тобой сегодня, стало быть что?..

– А что?

– Гони пятнашку, кретин! – рявкнул на него Сема.

– А-а... – испуганно протянул тот и полез в карман, вынул горсть десяти- и двадцатикопеечных монет, начал считать.

– Сегодня я возьму у тебя мелочью, – Вадим сказал это так, будто делал ему одолжение. – Но завтра принесешь бумажками.

– Ага, ага, – закивал тот, протягивая деньги.

– А теперь свободен... Дергай отсюда!

Клокова как ветром сдуло.

* * *

– Слушай, Ящер, а ты сечешь!

Сема смотрел на Вадима с восхищением.

– Я хоть и сплю на уроках, но в башке моей кое-что откладывается. Помнишь, за счет чего живет государство? За счет налогов, со всех и каждого. Кому в школе принадлежит сила и власть? Нам! Значит, мы как бы государство. А этот мутила, – Вадим сплюнул вслед Леве, – никому ничего не отстегивает. А он должен отстегивать нам. Вот он и будет отстегивать. Чего тут неясного?

– А если нашего данника зацапают, мы будем ни при чем, – добавила Ириха. – Обирает малолеток? Ай-я-яй, какой плохой! Мы даже не знали об этом... Ах, он нам какие-то деньги приносил... Да-да, что-то припоминается... Только мы не знали, откуда он их брал. Хоть убейте, не знали. И попробуй кто доказать, что мы его закошмарили... Или не так?

– Все так, – кивнул Вадим.

А котелок у нее варит!

– И еще, все эти деньги наши общие. Распоряжаться ими буду я, но без общего согласия не возьму ни копейки...

– Ага, у воров это дело «общаком» называется, – вставил Сема.

– Вот-вот... Мы не воры, но и у нас будет своя казна...

* * *

– Э-э, мужики, «шмаль» у меня, базара нет, классная. Смотрите, по пакетикам расфасована. Сервис! И «прет» отменно. Берите, не пожалеете!

Митя Твидин говорил возбужденно, только тихо. Не дай бог, войдет в туалет кто-нибудь из непосвященных да услышит, о чем разговор. А разговор серьезный. Надо сбыть «план». По червончику за маленький пакетик. И, похоже, это у него получается. Ребята попались ему серьезные. И пошмалить любят, и при деньгах.

– Давай, мне сразу три... – прогнусавил первый.

Есть! Первые три червонца легли в карман.

– И мне парочку...

«План» у него и в самом деле козырной. И не так дорог, как у конкурентов. А конкурентов, мать их так, хватает. Да только все они какие-то несерьезные. И торгуют время от времени, и товар у них не очень, и прикрытия за спиной никакого.

Скоро он избавится от них всех. Товар можно будет брать

только у него. А искать его долго не придется – в школе он всегда. Ученик десятого класса, отличник, активист. А по совместительству – сбытчик анаши. Пока одной лишь анаши. А там, возможно, скоро и опий в ход пойдет...

В своих ожиданиях Митя не обманулся. К началу зимы он вытеснил всех конкурентов. Без боя позиций своих сдавать ему никто не собирался. Пришлось обращаться за содействием к двоюродному братцу, под опекой которого он работал. Тот и товар ему поставлял, и прикрытием служил. Серьезные у него друзья. Из института ребята, с последнего курса, взрослые уже, не чета малолеткам. Даже кулаками им махать не пришлось. Одним своим видом всех конкурентов разогнали. С ними ему сам черт не страшен. Даже Ящер.

Ящер этот тоже не лыком шит. Сильная у него банда, спору нет. В школе им подвластно все. Всех, кого можно, данью обложили. Знает свою выгоду. Один тут, например, фарцой занялся. Всякие там дефициты в школу приносит. Шмотки забугорные в основном. Так девки у него с руками их отрываю. И немудрено: дефицит. А тут пацаны Ящера к нему подрулили. Давай, говорят, отстегивай процент с прибыли. Иначе торговать не дадим. И куда бедняге деваться?

И до него самого Ящер уже добрался. Как раз на сегодня «стрелку» навел.

Придется идти, пока только одному. Да только делиться он не собирается. И сам не хочет, и брат не допустит.

Вадим, Сема и Вован зашли в мужской туалет перед самым звонком на третий урок. Но Твидина, Твида, там не было. Еще не было или уже – не важно. Главное, он забил на них.

– Окренел, падла, – выругался Усик. – Совсем нюх потерял.

– Значит, есть причины, – сказал Вадим. – Не нравится мне этот Твид. Не так просто он «шмаль» сбывает. С размахом работает. Самому такое дело не проверить. Кто-то стоит за ним. И он явно рассчитывает на поддержку со стороны... Да только дань ему платить придется. Это говорю я...

В это время в туалете появился Твид. Непринужденная походка, нагловатая улыбка.

– Слушай, ты, я тебе сейчас башку отверну! – наехал на него Сема.

Но тот даже ухом не повел.

– Короче, я знаю, зачем я вам нужен. Да только ничего вы с меня не поймете...

– Слушай сюда, придур, – Вадим впился в него тяжелым взглядом. В голосе звенела угроза. – Делиться ты будешь. Пока мы заявляем только треть. А вот после того, как поотшибаем рога у тебя и твоих покровителей, будешь отдавать половину. И это – в лучшем случае...

– Да? А ты сначала рога поотшибай... Короче, разговор не по теме. Тебя, Ящер, будут ждать завтра в городском парке. С нашей стороны будет всего двое. И с вашей стороны, разумеется, не больше. Приходите, перетрем, – и, окинув всех пренебрежительным взглядом, Твид направился к выходу.

Усик дернулся было его догнать, но Вадим остановил:

– Не сейчас, Сема, не сейчас... Придет его время.

* * *

В один из сырых промозглых дней в парке сошлись две противоборствующих стороны. Погода только способствовала им. Ни единой посторонней души вокруг, никто не крикнет, не призовет к порядку, если вдруг что, не побежит за ментами.

Рядом с Твидом стоял невысокий коренастый крепыш. На вид ему лет двадцать пять, не больше. Он колючим взглядом исподлобья смотрел на Вадима. Приличный прикид – дубленка, норковая шапка. Понятно, на наркоте он делает неплохие бабки. В зону его влияния входит не одна только школа. Возможно, и вторая школа в городе под ним, и училища, и дискотеки, и другие места, где собирается оттянуться молодняк. Серьезный дядя, видно по нем...

– Валера, вот он, Ящер, – показал на Вадима Твид.

Но его даже не удостоили взглядом.

– Чего ты хочешь, Ящер? – зычным голосом спросил тот,

кого называли Валерой.

– А ты и сам знаешь, чего. Я хочу иметь свой процент с твоего гребаного бизнеса, – нехотя ответил Вадим, холодно глядя на него.

– С каких это кренов?

– А с таких. Мы с тобой живем по закону джунглей. А в джунглях свои территории... Школа моя, я там держу верх. И всякий, кто химичит на моей территории, должен отстегивать мне.

– Ничего у тебя, друг мой, не выйдет, – покачал головой Валера. – Мы своей свободой рискуем, добывая «шмаль» и сбывая ее. А ты, ничего не делая, хочешь за просто так забирать наши бабки? Так не бывает.

В сущности, этот тип говорил верно. Они собой рискуют, занимаясь наркотой. Не так уж и легко достаются им деньги. Вадим это понимал. Но ничего с собой поделаться не мог. Он уже познал вкус дармовых денег. И не собирался так просто отказываться от них. Впрочем, не такие уж они и дармовые. Эти деньги он пытается добыть силой, он также рискует собой и своей командой. А ведь это чего-то стоит?

Нет, он нисколько не жалеет, что ввязался в это дело.

– Нет, бывает, – угрожающе нахмурился он. – Я говорю, бывает. Твой Твид будет платить мне.

– Не буду! – подал голос тот.

– Заткнись, не с тобой толкую. – Вадим даже не глянул в его сторону.

– Он правильно говорит, платить тебе никто не будет... Слушай, а вообще откуда ты взялся такой молодой, да ранний? Шел бы ты отсюда, пока цел!

– Зря ты мне грубишь, зря, – Вадим смягчил тон. Но эта мягкость была хищной, змеиной. В ней таилась опасность. – А платить Твид все одно будет...

– Ты меня утомил, – поморщился Валера. – Денег не получишь, точка. И вообще, пошел ты на крен!

И он действительно поставил точку. После такого оскорбления, нанесенного Вадиму, слова заканчивались, в ход могла идти только грубая сила.

– Ладно, ухожу, – Вадим, казалось, оробел.

Он начал разворачиваться, словно собираясь уходить. И тут же сжатой пружиной возвратил свое туловище на место. При этом его с силой запущенный кулак врезался коренастому в лицо. Тот потерял равновесие и бревном рухнул на землю. Но тут же, пошатываясь и держась левой рукой за челюсть, снова привел себя в вертикальное положение. Правая его рука скользнула в карман. И тут же вынырнула.

Вадим замахнулся снова, но его остановил выставленный в его сторону «наган». Послышался щелчок взведенного курка.

– Только дернись, мутила, и пуля твоя. – Валера явно был горд тем, что у него есть оружие. – Ты говорил о законе джунглей. А в джунглях побеждает сильнейший. А сильнейший – это я.

И, похоже, он вполне мог пустить его в ход.

– Уходим, Ящер, – сказал Сема. – В другой раз побазарим.

С Усиком можно было согласиться. Зачем лезть на рожон, переть грудью на «ствол»?..

– Это мы еще посмотрим, кто сильнееший...

* * *

Вадим высоко ценил подвал своего дома. Это был не просто подвал, а своего рода штаб-квартира их уличной команды. Поначалу его строили как объект гражданской обороны, укрытие на случай ядерной войны. Но до конца дело не довели, перебросили строительство объекта на другой дом. Но подвал остался и сухим, и просторным. Бетонный пол, высокие потолки. И не отсеки в нем, а целые комнаты, хоть живи в них. Правда, большую его часть отдали под кладовочки для жильцов дома. Но и пацанве место осталось. Широкий коридор, четыре просторных помещения. Красота!

Два отсека ушли под спортивные залы. В них накачивали мышцы и набивали кулаки на мешках с песком. Третью отвели под «холостяцкую». Раздобыли где-то ржавую железную койку, раскладушку и рваный диванчик, и матрасы достали, далеко не первой свежести. Жизнь-то не у всех ладная. Кто-то с предками поругается – из дому уйдет. Кого-то выгонят. Но не беда, есть где ночь скоротать. Но чаще всего здесь просто веселились с девушками, «топтали» их, без

насилия, по согласию. А койка и раскладушка скрипели так, что уши закладывай...

Четвертый отсек называли «сходняковкой», в ней на сходняк собирались, «обсасывали» дела, важные и не очень. Поначалу компания рассаживалась на обычных досках, уложенных на кирпичи. Затем стали появляться табуретки, стулья. И даже стол откуда-то приволокли. Ну чем не зал заседаний?

Вадим сидел в центре. Вокруг него собралась вся команда. Уже не пятнадцать, как было летом, а все двадцать человек. Крепкие, надежные пацаны, он верил в них, и они отвечали ему тем же.

Только несколько человек из их команды учились, как он, в школе. Четверо расстались с ней в этом году. Двое – в прошлом. Остальные уже в армии послужить успели, на работу устроились, но от уличной жизни носа не воротили: видели в ней особую прелесть. Гендос и Архимед, те вообще учились на третьем курсе института, один на юридическом, готовился стать адвокатом, второй на экономическом. Но никто из них не кичился. Все до одного, кто собрался сейчас в этом подвале, даже и не думали оспаривать авторитет Вадима. Не первый год его знают, подчиняются ему.

Трое из тех, с которыми он бился против крайних еще летом, этой осенью ушли в армию. Но на их место пришли сразу восемь. Леха Самовар и Кирпич примкнули после армейки. Но они из «стариков», с них когда-то и начиналась

уличная команда. А другие шестеро все новенькие. Фрукт, Солома и Магарыч – те откололись от крайнинских, от Кабана. Вадим взял их к себе с тайным удовольствием. Не от него бегут, а к нему – значит, его команда самая крутая, стало быть, не зря лилась кровь на знаменитом пустыре. Шницель, Глыба и Мухомор – эти добавились после жесткого отбора со стороны. Первые двое тоже после армейки. У Мухомора «белый билет».

Желающих попасть в команду Ящера много. Но «конкурс» выдерживает далеко не каждый. А ну-ка попробуй устоять на ногах, да еще дать сдачи, когда на тебя с кулаками обрушиваются сразу пятеро мордovorотов. А эти выдержали. Шницель и Глыба – с ними все ясно. Этих хоть вместо свай в землю вбивай. А вот Мухомор, можно сказать, загадка. Маленький, щупленький, драться не умеет. Вадим даже «под жернова» запускать его не хотел. Зачем, если ясно – прибьют. Но тот настоял. И не прибили ведь. Выстоял, как ни странно. И, мало того, уже весь в крови вцепился Веслу в горло, сжал его мертвой хваткой, насилу отцепили. Как его после этого не взять?

Да, Вадим верил в своих пацанов. Драки на пустырях, умение держать в повиновении школу и окрестные дворы – в этом они все преуспели. Но начались более серьезные дела. Обложили данью «оборзевших», поставили на место фарцовщиков в школе. Все это, конечно, цветочки. Но из этих цветочков созреют ягодки. И ягодки эти оборачивают-

ся «хрустами».

Твид, его покровитель и наркотики – все это невинными забавами не назовешь. Это уже чистейшей воды криминал. Серьезные люди – серьезные деньги. И эти деньги они так просто не отдадут. Уже проверено. Вадима припугнули не словами и даже не кулаками. «Наган» – это вам не шутки. Это круто, это смертельно опасно. И нужно сто раз подумать, прежде чем идти на риск.

Но Вадим уже все для себя решил.

– Все знают, что я наехал на Твида. Пусть, сука, отстеги-вает нам процент... – начал он. – Да только брыкается, гад. Вчера я имел разговор. Нет, не с ним, а с тем, кому он «ше-стерит». И на меня наставили «ствол»... Как вам это нравит-ся?

– В натуре, тот питор за это ответит, – сквозь зубы про-цедил Сема.

– А может, включим заднюю? Оставим Твида и его шефа в покое... А что, спокойнее жить будем! – Вадим обвел толпу испытующим взглядом.

– Так чего ты, Ящер, от нас хочешь? – пробасил Гирла.

– А того... В общем, я, как мог, обрисовал вам всю карти-ну... А теперь выбирайте, добивать нам Твида и его, скажем так, «крышу» или нет...

– Добивать, – буркнул Гирла.

– Добивать, – кивнул Архимед.

– Валить их всех на крен! – добавил Весло.

– Короче, дело мы обговариваем серьезное. Кто не уверен в себе, пусть поднимется сейчас и уйдет. И, зуб даю, никто вам слова обидного вслед не бросит... А кто останется, тот даст клятву идти с нами со всеми до конца. И это будет не пионерская клятва. Это будет клятва на крови...

* * *

На следующий день команда Ящера собралась в том же самом месте и в тот же час. Только в этот раз их было уже семнадцать. Лысый, Кныш и Лопух решили не связывать себя криминалом.

Гендос, как ни странно, остался. «А чего тут странного? – удивился он. – Я же не на мента учусь, а на адвоката. Глядишь, когда-нибудь помощь вам моя нужна будет». Вадиму оставалось лишь дружески хлопнуть его по плечу. И сплунуть через левое плечо, когда он заикнулся об адвокатских услугах.

– Мы тут кое-что узнали о покровителях Твида, – сказал Вадим, обращаясь ко всем. – Комар, тебе слово.

Паша Комаров, а вместе с ним Ванек Лазарев и Виталик Кислов старались не зря, отработывая его, Вадима, поручение. Наизнанку вывернулись, но выследили того самого Валеру, которого привел с собой Твид на разборки. Навели о нем кое-какие справки.

– Не такая уж и крутизна этот фуфлон, – сказал Комар. –

Из агротехнического института он, полчаса пути отсюда. На пятом курсе учится. С ним кодла, человек семь-восемь. Не хило одеваются ребятки. Видел я их на ихней институтской дискотеке. Короли, мать их так. Девки от них аж пищат. А чего им, курвам, еще хотеть? И в кабак их сводят, и на кукан насадят...

Комара нисколько не смущало присутствие Ирихи. Ведь последнее к ней не относилось. В его глазах она уже давно стояла даже выше, чем многие из сильной половины человечества. Не зря же Ящер ставил ее вровень с собой.

– Короче говоря, Валера этот не из блатарей и ничем с нами не связан. Так что бояться его не надо... А то, что «пушка» у него, это керня. Такой «наган», как у него, можно у любого вохровца стянуть, много ума не надо...

– Какое-никакое, но «наган» – это оружие, и оно пулями лупит. Может и сквозняк в голове сделать, – не разделила его оптимизма Ириха. – Надо бы и нам «ствол» раздобыть...

– И лучше, не один... – добавил Сема.

– Да, было бы не хило заиметь «ствол», – мечтательно протянул Вадим. – Хотя бы на время...

– А если мы у Аркаши, у военрука нашего, «АКМ» одолжим? – встрял в разговор Бес. – Он хоть и не пуляет, но шороху наведет и без пальбы, мля буду...

– Слушай, Бес, а черепушка у тебя варит, – оживился Вадим. – Автомат покруче будет, чем «наган»... Но как ты его раздобудешь?

– А это мои заботы. Аркаша меня ценит. Даже ключи от кабинета своего иной раз дает. На, мол, возьми, принеси то-то... А я сделаю слепки с них. Открою, когда нужно будет, и кабинет его, и пирамиду с автоматами вскрою... Ты только время назначь...

– Время я тебе назначу... Только смотри, не подведи.

– Будь спок, за мной не заржавеет...

– Будем считать, что с оружием проблем нет, – заключил Вадим. – Тогда делаем так. Отлавливаем Твида и вправляем ему мозги. Бить – не жалеть, чтобы на всю жизнь, падла, запомнил. Он, конечно, пожалуется на нас своим покровителям. И те забудут нам «стрелку». На разборки явемся с автоматом. На испуг возьмем козлов. Обделаются они или нет, но поймут, что мы – это серьезно. Никуда им не деться от нас, придется делиться...

– А если номер не прокатит? – спросила Иринка.

– Не менжуйся, все будет путем... Никуда они не денутся от нас, студенты креновы...

– Нужно замочить Валеру, Твидова покровителя, – послышался откуда-то из глубины негромкий, но решительный голос. – Перо в бок, и все дела...

В подвальном отсеке вдруг установилась мертвая тишина. Тяжелая, гнетущая, до звона в ушах. В воздухе, казалось, запахло смертью.

– Что? – первым нарушил молчание Вадим.

Его голос неестественно дрогнул.

Да, он был настроен решительно. Готов был до конца отстаивать свои права на территорию школы. Даже на похищение оружия, пусть и с возвратом, шел. Попугать, нагнать страху на недругов. Но убить... Даже ему это показалось слишком круто. Он не был готов к подобному изменению в сценарии...

– А чего тут такого? – Из-за спины Гирлы выросла тощая фигура Мухомора. – Грохнем Валеру, Твид сам на коленях приползет. И не процент, все бабки отдаст. Только бы его не тронули...

Это был первый случай, когда Мухомор посмел вставить слово в общий разговор. Что ж, он имел на это право. Ведь он в команде не на птичьих правах.

Вадим неприязненно глянул на него.

– И кто же замочит Валеру? Уж не ты ли, Мухомор? – скривился он в презрительной гримасе.

Где-то в глубине души он признавал правоту Мухомора. Нет человека – нет проблемы... Но не хотел соглашаться ни с собой, ни с Мухомором.

– А почему бы и нет? Ты только скажи, я сделаю!

– А вот крена тебе! – Вадим перекрыл ладонью локтевой изгиб своей правой руки. – Я на мокрое дело не пойду. Если ты такой умный, можешь идти и мочить Валеру, мать его так. Но я здесь ни при чем. Понял? И каждый это тебе подтвердит...

– Эй, Мухомор, а ты хоть нож в руке когда-нибудь дер-

жал? – разряжая обстановку, захохотал Сема.

Сам он обожал метать ножи в доску с круговой мишенью. И преуспел в этом.

– А вот ты скоро узнаешь, держал я когда-нибудь «кнопарь» или нет!

Мухомор аж побагровел от обиды и злости. Его взгляд пылал внутренней одержимостью.

– Ты, Мухомор, кипятком не ссы, – брезгливо поморщилась Ириха. – Если керня всякая в голову лезет, на кой ляд ее на толпу выносить? Сядь успокойся и больше не выделывайся.

Мухомор и впрямь успокоился. Сел, рот на замок, взгляд под ноги. Что ни говори, а у Ирихи дар сглаживать конфликты. Вадим одобрительно глянул на нее.

– Короче, пусть Валера живет. Но проучить мы его проучим... Все, завтра наезжаем на Твида...

* * *

Целых три дня Твида никто не трогал. Ни Ящер со своими громилами, ни менты. Последних Твид боялся пуще всего. Не дай бог, наведет на него Ящер официальных блюстителей порядка в отместку за свой конфуз. Тогда все, сливай воду... Поэтому он осторожничал, после разборки в парке еще ни грамма «шмали» в школу не принес.

– Эй, Твид, ты чего это больше не шастаешь по сорти-

рам? – остановил его на четвертый день Сема Усик. – Чего наркош кайфа лишаешь?

На губах презрительная усмешка, в глазах угроза. Но этим его, Твида, не смутишь.

– Да пошел ты!

Не боится он его. А чего бояться? Ведь он под прикрытием Валеры. А тот на голову выше Ящера и этого Усика. На деле проверено. Пусть теперь его самого бояться!

– Ты че, совсем окренел? – нахмурился Усик. – За базар ответишь, козляра!

Смерив его тяжелым взглядом, он исчез.

Но появился снова, когда Твид зашел по нужде в туалет. Он вырос перед ним словно из-под земли. За его спиной стояли еще трое.

– Я же говорил тебе, падаль, за базар ответишь!

С этими словами он с силой въехал ему кулаком в солнечное сплетение. Твид ойкнул и согнулся в три погибели. И тут же получил кулаком по почкам. Упасть ему не дали. Один схватил его сзади, а трое начали бить его кулаками в живот, в печень, в грудь. И ни разу по лицу. Умеют бить, суки! Они за это ответят!

Это была последняя мысль Твида. От боли он потерял сознание и повис на руках у Гирлы.

Валера и его кодла, все восемь человек, стояли, грозно поблескивая глазами. Все вышло, как и предполагал Вадим. Твид настучал своим, и те «накинули стрелку», разборки им, сучарам, захотелось. Что ж, будет им разборка...

Вадим привел с собой десятерых. Лучшие из лучших в его команде. Сила! Особенно если учитывать, что у Семы под полой длинной куртки спрятан автомат. Пусть у него спилен боек и просверлен ствол, но вид у этой «игрушки» ой-ей-ей какой... Молодец Бес, сдержал слово. Ловко обвел военрука вокруг пальца.

– Мы же договорились, Твид – не твоего поля ягода, – Валера смотрел на него застекленевшим взглядом. – Зачем тронул его?

Красиво говорит, убудок. Да только он, Ящер, с ним ни о чем не договаривался.

– Потому что не отстегивает...

– Жаль, что ты, мурло, так ничего и не понял. – Валера сплюнул под ноги и нехотя сунул руку в карман.

Наверняка полез за своей долбаной «пушкой». Козел, под крутого косит!

Вадим бросил многозначительный взгляд на Сему. Но тот и без того уже все понял. Мгновение, и в его руках появился «калашников».

Валера еще только доставал свой «наган», а в живот ему уже уперся ствол автомата.

– Только дернись, питор, всех своих козлов кишками загадишь! – прошипел Сема, впившись в него убийственным взглядом.

На Валеру страшно было смотреть. Побелел как мел, глаза из орбит вываливаются.

– Достал «пушку» свою, мутила, и бросил себе под ноги! Куй железо, пока горячо!

Валера послушно достал «наган» и бросил на снег. Вадим нагнулся и спокойно, без суеты, поднял его и сунул себе в карман.

– А вот теперь слушай сюда, – он говорил тихим, зловещим голосом. – Завтра Твид, твой сучий выродок, начнет толкать свой товар. И процент будет отстегивать мне. Половину мне, а остальное делите сами. Ты меня понял, урод?

– А вот это мы еще посмотрим!

Валера выглядел испуганным. Но, видно, жадность была сильнее страха. Еще огрызается, падла!

Вадим недобро усмехнулся, вытащил «наган» и рубанул его рукоятью по голове. Череп не раскрыл, но сознание выбил. Валера рухнул на снег.

– Смотрите, ублюдки, и с вами будет то же самое! – заорал Сема на остальных из Валериной кодлы. Те не ответили ничего. Молча подхватили своего вожака и потащили его в глубь парка.

Все, разборка закончилась. Завтра Твид начнет отстегивать. Во всяком случае, Вадим очень надеялся на это.

* * *

– Крена ему лысого, а не бабок! – взорвался Валера в ответ на предложение Сержа согласиться с запросами Ящера.

Три часа прошло с той злополучной минуты, когда ему пригрозили автоматом и вдобавок долбанули по голове «наганом». Но голова цела, хотя все еще болит. И мысли в порядке.

Слов нет, он потерпел фиаско. Кто ж мог знать, что эти малолетки окажутся такими настырными. Молодые, но ранние. Хотя не такие уж и молодые. За двадцатник многим перевалило. На широкую ногу поставили дело, даже автомат сумели раздобыть. И ведь в ход его могли пустить...

Да только он, Валера, не из робких. Не отдаст он своего, хоть убей. Ведь не с неба же на него «травка» падает. Прежде чем обратиться в деньги, надо сначала добыть. А это долгий путь в Узбекистан. Там этого дерьма хоть задницей ешь. Но и ментов, которые так и норовят сесть тебе на хвост, тоже в избытке. Сцапают, и прощай свобода!.. Нет, не видать этому Ящеру бабок!

Но Серж настаивал.

– Мы только-только начинаем работать в Краснинске покрупному. На дискотеке мы еще только корни пускаем, а уже

интересуются, кто мы, откуда. Скоро до Костыля дойдет, до пахана местного. И тогда жди гостей. Обложат данью как миленьких. Блатари – они такие, испокон веков всех, кто незаконным бизнесом занимается, данью обкладывают. Не победишь же ты в ментуру жаловаться...

– Так то же блатари, урки... А эти, шпана замызганная... Не буду с ними делиться!

– Тогда будешь делиться с Костылем. Он и до школ, будь уверен, доберется.

– Вот когда доберется, тогда и будет видно...

– А ты послушай, что я тебе скажу... Мы начнем отстегивать Ящеру, а там и Костыль на нас выйдет. Потребует дань, а мы все стрелки на Ящера переведем... Никакой автомат тогда этому малолетке не поможет...

– И мой «наган»! – схватился за голову Валера. – Суки, они забрали его!

– Вот за это они ответят!

– Ладно, уболтал ты меня. Но о бабках поговорим завтра. Сегодня меня Людка ждет. Уже давно пора ей шершавого вставить.

* * *

Виталий Кислов уже давно не ощущал себя таким сильным и уверенным в себе, как сейчас...

Он рос хилым, болезненным мальчиком. Но ему всегда

хотелось быть сильным, здоровым. И он старался вовсю. Бегал по утрам, обливался холодной водой, подтягивался на перекладине. Со временем стал замечать в себе перемены. Перестал болеть, сил прибавилось. Да только по-прежнему оставался худым и в рост никак не шел.

Закончил школу, оформился на обувную фабрику. Не за станок встал, а грузчиком устроился. И вовсе не из-за недостатка ума. Просто тяжелая мужская работа помогала ему чувствовать себя сильным. Прошел год, он еще больше окреп физически и духовно закалился, огрубел. А тут подвернулся случай вступить в уличную команду Ящера. Крутые пацаны, он всегда завидовал им. Ему объяснили, какой экзамен он должен выдержать, но он с готовностью принял условия. И выдержал.

Все-таки он чего-то стоит! Этой мыслью он жил, этой мыслью дышал. Он чего-то стоит! Как это здорово!

Да, не думал он, что Ящер окажется таким малодушным. Он предложил ему убить Валеру, этого строптивца, возмнившего о себе черт знает что. А тот испугался, прикрыл свой испуг презрением, да еще и на смех его чуть не поднял. И Сема кичиться вдруг начал. Герой сраный! Все они герои, пока жареным не запахнет...

Ну ничего, он всем покажет, кто настоящий герой.

Валеру Каурова, студента-пятикурсника из агротехнического, он выслеживал вместе с Комаром. Знал, где его комната в общежитии, с кем водится, каким путем на дискотеку хо-

дит. Подловить его где-нибудь в темном углу студенческого городка дело несложное. Может быть, уже сегодня он вгонит ему в бок заточку.

Сегодня или завтра он убьет Каурова. Но этот студентка не станет его первой жертвой. Он убивал уже, и не раз. Убивал, чтобы самоутвердиться, почувствовать свою власть не столько над жертвой, сколько над смертью. Убивая, он побеждал смерть!

Первый раз это случилось с ним в деревне у бабушки. Была там одна сучка, которая крутила перед ним хвостом, а в руки не давалась. Однажды она заманила его с собой на реку. Давай, говорит, купаться нагишом. А он, глупый, и рад. Первым разделся и прыгнул в воду. А она только посмеялась над ним, забрала его одежду и наутек. И он, лопух, дожидался темноты, чтобы добраться до деревни.

А через день этой сучки не стало. Он подстерег ее на узкой дорожке и без всяких разговоров вогнал ей в живот кухонный нож, украденный у бабушки.

Никто не смеет безнаказанно насмеяться над ним!

В тот раз он оставил нож в теле убитой. И мог заплатить за свою оплошность. И лишь тупость местной милиции спасла его от кары закона.

Он и раньше увлекался детективами. А с тех пор стал зачитываться ими. По многу раз прокручивал в голове действия преступников, выискивал сильные и слабые стороны. Ставил себя на их место. И ментовские уловки и ухищрения

тоже не упускал из виду.

Во второй раз он убил мужчину, рискнувшего в одиночку пройти через ночной парк. Этот бедолага сам шел ему в руки. И нарвался на нож, пропоротивший ему брюхо. На этот раз он сделал все как надо. Оттащил его под куст. Рядом с ним постелил газету, бросил на нее пару огурцов, ломоть хлеба. Лезвием ножа разжал мужику зубы и плеснул ему в глотку водки из бутылки. Пьяная драка, собутыльники чего-то не поделили... Примерно так и подумали опера, разбиравшие это дело. До него, до Виталия, никто так и не дотянулся.

И снова он в полной мере насладился вкусом победы над жизнью и своей безнаказанности.

А сегодня или завтра он познает этот вкус уже в третий раз. Нет, лучше бы это случилось уже сегодня. Пусть знают в команде, какой он, Мухомор, крутой. Его будут уважать, он уверен в этом. Придет время, и он станет центровым...

Мухомор шел по следу Каурова. Вместе с друзьями тот направлялся на дискотеку. Интересно, с кем он будет уходить?

У входа в Дом студентов его поджидала девушка. Настоящая красавица! Скупно улыбнулась ему, позволила взять себя под руку. Вместе с ней он и скрылся за дверьми клуба. Уходить он будет с ней, решил Мухомор. Что ж, он уже знает, каким будет мотив убийства...

Людмила Вальцева отдавала себе отчет в том, как она красива. Но это не особенно радовало ее. Вот если бы она нашла парня, которого можно было бы полюбить, и ее красота помогла бы обрести взаимность, тогда она была бы счастлива. Но вот беда, она ни в кого не могла влюбиться. Зато ее домогались многие. То один «подъедет», то другой. И каждый норовит забраться под юбку. А это ее не устраивает. Она мечтает о любви и счастье.

В Валеру Каурова она не была влюблена, а потому долго отваживала его от себя. Но в конце концов признала, что он единственный из всех, кто достоин ее любви. Судя по всему, настроен тот по отношению к ней довольно-таки серьезно. И вежливый он, и аккуратный, и симпатичный вдобавок ко всему. А еще, говорят, деньги у него водятся. С таким можно строить планы на будущую семейную жизнь.

У нее с ним сегодня первое свидание. Интересно, как он поведет себя с ней?

Валера познакомил ее со своими друзьями. Ему хотелось развеселить ее, наполнить ее душу радостью. И ему это удалось.

– Может, съездим в ресторан? До самой Москвы на тачке домчимся! – шепнул он ей на ухо в разгар дискотеки. Ей было хорошо с ним, она не замечала в нем дурных мыслей,

а потому согласилась.

– Будем только ты и я... А если ты не будешь против, переночуем в гостинице. Я сниму номер на двоих....

Она будет против... А хотя почему бы и не остаться с ним на ночь? Ведь ей уже почти двадцать, а она все еще девственница... Кому нужна ее непорочность в эпоху всеобщего разврата?.. Людмила согласно кивнула и покорно последовала за своим кавалером.

От студенческого клуба до общежитий идти всего ничего. Но до московского шоссе топать и топать через безлюдный в эту пору сосновый бор. Однако с Валерой идти ей вовсе не страшно. Он большой, сильный, от любого ее защитит.

Так она думала до тех пор, пока откуда-то из-за их спины не появился мужчина в теплой ватной куртке. Его лицо скрывала вязаная шапочка без помпона, натянутая до подбородка. Из прорезей для глаз выбивался злой взгляд.

– Валера! Валера! – закричала Людмила, но голос тут же сорвался до хрипоты.

Оказывается, ее кавалер уже ничем не мог помочь ей. Он медленно и безжизненно оседал на снег. Он упал лицом вниз. В его спине торчала какая-то железяка, пробившая сердце. Наверное, нож...

– Говорил я тебе, сука, ни с кем не гуляй! – явно не своим голосом пробасил убийца.

Да, ей говорили подобное. И даже не один раз. И в школе, где она училась до института, такое случалось. И в самом

институте ее предупреждали сначала Артур Кабзаев, осетин с горячей кровью, а затем Иван Батько, хохол из Запорожья. Но оба говорили не так чтоб уж очень серьезно. Оба влюблены были в нее, вот и не хотели, чтобы она досталась кому-то другому...

Но, самое интересное, оба ростом такие же, как и этот страшный человек... Так кто же все-таки из них убил Валеру?

– Иван, это ты? – с дрожью в голосе спросила Людмила.

– Так я тебе и сказал, кто я такой!

И тут же последовал удар кулаком в лицо. Из глаз посыпались искры, мысли затуманились. Второй удар выбил из нее сознание.

* * *

Мухомор торжествовал.

Еще бы, он не ошибся в своих прогнозах. Эту красотку действительно предупреждали, чтобы она не гуляла с кем попало. И вот неизвестный ревнивец вышел на тропу войны, наказал любовника несчастной и ее саму. Менты с удовольствием ухватятся за версию убийства из ревности.

А еще у них появится другая «зацепка». Убийцу Каурова будут искать среди уголовников. Ведь убит он не обычным ножом, а заточкой, какими пользуются на зоне зэки... Как бы то ни было, на его, Мухомора, след они не выйдут никоим

образом...

Но эту красотку оставить так просто нельзя. Ее нужно изнасиловать. Этот эпизод как нельзя лучше дополнит версию об убийстве из ревности.

Мухомор подхватил бесчувственное тело девушки и оттащил подальше от места преступления. Он сильный, ему нетрудно справиться с этой ношей. Он разложил ее прямо на снегу, под раскидистой елью. Распахнул ей шубу и начал срывать нижнюю одежду. И в это время он увидел, как по тропинке к трупку приближаются двое мужчин...

* * *

Весь вчерашний день ходил Сема по школе в поисках Твида. Но того и духу там не было. Наверное, дома остался, раны зализывает. Да, сильно досталось ему, бедняге.

И сегодня он занялся его поисками. Но тот сам нашел его.

Ну и видок у него. Бледный как смерть, в глазах тихий ужас. Видно, передался ему испуг его покровителя, этого сраного студентика Валеры. Не каждый же день на тебя наставляют настоящий автомат...

– Ну что, придур, платить будешь? – грубо спросил его Сема.

– Буду, – с готовностью отозвался тот. И куда только подевался его былой гонор?

– То-то же, – покровительственно улыбнулся Усик. –

Знай, кто в школе хозяин...

– Только я пока попридержу товар.

– Чего это вдруг?

– Из-за Валеры...

– Из-за Валеры? Он что, снова с нами в игры играть собирается?

– Уже отыгрался... Зачем вы его убили?

Твид вскинул на Сему испуганный взгляд.

– Убили? Мы? – возмутился тот. – Да ты че, совсем окрелен?.. Слушай, а его че, в самом деле того?..

– Ладно, сделаем вид, что вы здесь ни при чем и ничего не знаете... Да, его убили. Темным вечером, из-за угла... Менты думают, что его грохнули из-за девки, с которой он был в тот вечер. Но я-то знаю, что это ваших рук дело...

– Заткнись, урод! Никого мы не убивали...

– Пусть будет так, – вяло согласился Твид. – Короче, пока не закончится следствие, наркоту мы сбывать не будем... Но деньги вот, – он протянул Усику плотно набитый конверт. – Это наш должок Ящеру за прошлый месяц...

* * *

Вадим ловил себя на желании вломить Мухомору по его наглой роже. Но сдерживался. И этому в немалой степени способствовал закравшийся в душу страх перед этим человеком с холодными пустыми склянками вместо глаз. Этот

тип из прирожденных убийц, маньяков, которым нравится убивать. С ним нужно быть настороже.

Вадим пока не сомневался в преданности Мухомора. Но преданность эта звериная. Любой прирученный зверь может броситься на своего хозяина, едва почувствует запах свежей крови.

– Зачем ты это сделал? – жестко спросил он.

– Я не понял, о чем ты, Ящер, базаришь?

Мухомор делал непонимающий вид. Но это хитрость, намеренно плохо скрываемая хитрость. Глаза убийцы светились торжеством. Этот выродок гордился тем, что убил человека.

– Ты грохнул Каурова... Только не отпирайся.

А Сема, похоже, нисколько не осуждает Мухомора. Напротив, втайне поощряет его.

– Я никого не убивал.

Но всем своим видом Мухомор говорил как раз об обратном. Он чувствовал себя героем. Ублюдок!

– А-а, – махнул рукой Вадим. – Свободен!

Мухомор исчез. В подвале остались только Ящер, Сема и Ириха.

– Бляха, всю игру испортил, – сказал Вадим.

Не дай бог, менты выйдут на след Мухомора. Вот тут жернова их следственной машины закрутятся на полных оборотах. Наркотики, вымогательство, кража оружия, угроза им... Целый букет. Под статью загреметь в два счета можно.

А ведь все так удачно складывалось. И Валеру этого застращали, показали ему, кто в школе хозяин. И Твид не сегодня, так завтра начал бы платить...

– Ящер, ты не нервничай, – отозвался Сема. – Я говорил с Твидом. Он в курсе всех дел. Менты сейчас ищут не Мухомора, а какого-то мутилу, у которого крыша поехала от ревности. Грохнул Валеру, не гуляй, мол, с чужими девками. А вдобавок чуть было не изнасиловал свою бывшую подругу. Говорил я тебе, сука, не гуляй с кем ни попадя... Короче, если Валеру грохнул Мухомор, то он большой мастак. Ловко перевел стрелки... А то, что Твид больше не толкает «шмаль», так это пустяк. Когда все уляжется, он снова возьмется за дело. Надеюсь, это случится скоро... А пока у нас есть бабки, которые нам отстегнули в процент за прошлый месяц. А ведь мы Твида об этом и не просили... Вон как они все перессали, пуще чумы нас теперь боятся...

– Ты не переживай, Вадим, все образуется, – добавила Ириха. – А то, что грохнули Каурова, не беда. Не наше это дело, и все. Пусть Мухомор с этим и разгребается... И еще, ты сам втянул нас во все эти дела. Нет, я не жалуюсь. Напротив, я только за. Но в серьезных делах, сам знаешь, могут быть и серьезные последствия... Возможно, когда-нибудь ты сам дашь команду Мухомору завалить кого...

Вадим хотел ответить ей грубостью. Но промолчал. Как ни крути, а Иринка права. Грязные дела чистыми руками не делаются.

В феврале Твид снова начал сбывать свой дурман. Менты, расследующие дело об убийстве Валеры Каурова, не ухватились за «конопляную» ниточку, не вышли на его группу, занимающуюся наркотиками. Кто возглавил группу после Валеры, Вадима совершенно не волновало. Главное, он снимал «сливки» с незаконного бизнеса. Ему причиталось сорок процентов с дохода от сбыта анаши в школе.

В казне команды скопились немалые деньги. Складывались они, казалось бы, из мелочей. «Буфетчики» по пятнадцать «рваных» ежедневно в течение трех с половиной месяцев отстегивали. Четыре «фарцовщика» – каждый по столынику уже отвалил. Твид в счет долга за ноябрь прошлого года три с половиной сотни принес. И в итоге набралось более двух тысяч.

Да, игра, оказывается, стоит свеч!

Но зачем нужны деньги, если их не тратить? Первым делом, с согласия всех, Вадим придел Ириху. Половину «куска» без всякого сожаления отвалил, и на тряпки, и на косметику. Теперь она одевается не хуже, чем другие. И не за горами то время, когда она будет одеваться лучше всех.

Никогда не забыть ему, как смотрела на него Ириха, когда он передавал ей «хрусты». В ее глазах он был богом, она преклонялась перед ним.

Вадим стоял у окна с видом на школьный двор и думал об Ирихе. Почему бы им и не быть вместе? Тем более у него нет постоянной подружки...

И тут его внимание привлекла юная особа. Легкой грациозной походкой она шла к зданию школы с изящным портфельчиком в руке. Новая ученица?

Вадим смотрел на нее как на диво. Было от чего прийти в восхищение. Совершенной красоты лицо обрамляли черные распущенные волосы. А глаза... Какие у нее глаза! Ангельская чистота, невинность... Хрупкая она на вид, беспомощная. Такие ангелочки нуждаются в надежной мужской защите...

Девочка явно не из бедных. Дорогая каракулевая шуба на ней.

Вадим уже многих девок перепробовал. Все они дарили ему лишь плотское наслаждение, не больше. Ни одна не будила в нем тех головокружительных чувств, которые овладели им сегодня.

Пусть земля провалится под ним, если эта девочка не будет принадлежать ему! С этой минуты Вадим потерял душевное спокойствие. Он влюбился и явственно это осознал...

Мысли об Ирихе выветрились из его головы в один миг.

Леночка жила с мамой в Москве. И училась в обыкновенной средней школе. Она бы и дальше там училась, если бы не Петр Валерьянович, новый муж мамы.

Помощник министра торговли, большая величина. Много денег у него, шикарная четырехкомнатная квартира, машина, дача. И власть немалая. Ведь от него зависит, куда будет отправлен тот или иной товар.

И вдобавок ко всему внешность привлекательная. Высокий, статный, импозантный мужчина. Густой баритон, интригующая проседь в волосах, обольстительная улыбка, магический взгляд. Словом, многие женщины тают от одного только его вида.

Когда он сделал маме предложение – а это случилось четыре года назад, – она была на седьмом небе от счастья. И не задумываясь бросила отца, который до сих пор не оправился от потрясения.

С Леночкой новый мамин муж был ласков и добр как с дочерью, не более того. Никакого намека на симпатию к ней с его стороны как к женщине.

Но маме так не казалось. Она будто сошла с ума.

С ранних лет она вдалбливала Леночке в голову, что девушкам не пристало быть легкомысленными, легкодоступными. На мальчиков не смотри, это развращает. А дружить

с ними, об этом даже и думать забудь. Все будут считать тебя шлюхой. Береги честь смолоду – не уставала повторять она. Ты не шлюха... Похоже, она помешалась на этих нравоучениях. И Леночка зациклилась на них. Она знала, как страшен грех прелюбодеяния. Больше всего на свете она боялась близости с женщиной. Не дай бог, об этом узнает мама...

Однажды Леночка сидела перед телевизором. И в комнату вошел Петр Валерьянович. Он сел рядом с ней на диван. Ничего особенного в этом не было, пока в комнату не вошла мама. Она уже давно косилась на дочь, когда видела ее рядом с мужем. Ревновала, но молчала. До поры до времени... И время настало.

Нужно было видеть ее глаза. Она смотрела на дочь чуть ли не с ненавистью. При муже она ничего не сказала. Зато дала волю своим чувствам, когда осталась с Леной наедине.

«А я и не знала, что моя дочь дрянь!» – бросила она ей в лицо.

«Зачем ты так говоришь, мама? – сжалась в комок Лена. – Что я сделала?»

«Что ты сделала? Ты еще спрашиваешь? – зло рассмеялась она. – Ты совращаешь моего мужа! Ты только и ждешь случая, чтобы прыгнуть к нему в постель... И еще спрашивает, что она сделала! Дрянь!»

«Мама, но это же не так!»

«Шлюха!.. Вон из моего дома!»

Лена бросилась в прихожую.

Мать остановила ее, когда она уже накинула на себя пальто и влезла в сапоги.

Они помирились. Но все равно жить как раньше они уже не могли.

Светлана Марковна понимала, что дала маху, обвинив дочь во всех смертных грехах. Но также ей было ясно, какой соблазн представляет та для Петра Валерьяновича. А потерять любимого мужа она боялась больше всего на свете.

Она нашла выход из этой ситуации. Отправить дочь к ее отцу – вот и решение проблемы. Герман Альфредович недавно вернулся из рейса, целых полгода будет жить в Краснинске. Он рад будет приютить у себя Елену.

Так Лена оказалась в Краснинске и в новой для себя школе.

В школе, где она училась до этого, в их класс недавно пришла новенькая. Она так хотела стать своей в уже сложившемся коллективе. Но, увы, девчонки не подпустили ее к себе и близко. Так и осталась изгоем... Леночка пожалела ее только сейчас. Ведь и ей теперь грозила такая же участь.

Но опасения были напрасными. В первую же перемену она оказалась в кругу четырех самых прикинутых девчонок из класса.

– Лена, где ты достала такую чудненькую шубку?..

– У тебя связи в Министерстве торговли?.. Ух ты, круто!..

А ты достанешь мне такую же помаду, как у тебя?..

– Макияж?.. А что это такое?.. Ой, а ты меня научишь?

– Ленчик, тут тобой интересуются, – заговорщицки подмигнула ей Ольга Мальцева, ее новая подруга, и оттянула в сторону.

– Кто?

– Сам Ящер! – Непонятно почему, она понизила голос.

– Что это за зверь такой? – Лена оставалась спокойной.

– Не зверь... Человек он. Вадим Ящуров, самый крутой парень в школе. Его слово тут закон. Банда у него своя, серьезные, скажу тебе, пацаны... В общем, он подходил ко мне, – на лицо Ольги набежала гордая улыбка.

Как же, Ящер сам к ней подходил!

– Ну и что?

– О тебе спрашивал. Кто такая, откуда... Короче, нравишься ты ему очень...

– Так что же мне теперь, плясать от радости?

– А радости тут не много... Хуже всего, что Ящер, похоже, тобой увлекся не на шутку. Еще вчера я видела его в старом костюме. Ему-то наплевать, в чем ходить. Хоть в рваном свитере, он все равно останется Ящером... А вот сегодня пришел уже в новом костюме, «маде ин не наше...». Полный отпад, короче! И все из-за тебя...

– Так что ж здесь плохого? – равнодушно спросила Лена. Подумаешь, какой-то там Ящер. Этим ее не удивишь. Мно-

гие мальчишки добивались ее расположения. Да только ни у кого ничего не вышло. Она хорошо помнила мамин завет – не водись с мальчишками, не давай повода считать себя легкодоступной особой.

– А то, что за Ящером Ириха Мерекина увивается. А девка она шустрая, левая рука Ящера, так ее называют. И дерется так, что только держись. Но руками ей махать и не обязательно. Скажет, чтобы с тобой никто не водился, и все, никто даже разговаривать не будет... В общем, несладко тебе придется, если Ириха увидит в тебе соперницу... О, а вот и она!

По школьному коридору шла красивая девушка с длинными русыми волосами. Чистенькая, опрятная, косметика на лице. С трудом Лена узнала в ней ту коротко стриженную диковатую пацанку, которую прошлым летом привел к себе в гости Артем, ее брат. Как она изменилась!

Платье на ней обыкновенное, школьное, но сидит идеально. В меру короткое, открывает изящные ножки в импортных полусапожках. В ушах золотом искрятся дорогие серьги. А держится она, как королева. Гордый, независимый взгляд, скупая улыбка на сочных губах. Даже мальчишки с почтением расступаются перед ней. Она скользнула равнодушным взглядом по Лене, и тут же в ее красивых глазах отразилось узнавание. Она остановилась и еще раз посмотрела на нее по-хозяйски внимательным взглядом. И шагнула к ней.

– Ну все, началось! – испуганно прошептала Ольга.

Но ее страхи оказались напрасными. «Королева» еще не

видела в новенькой своей соперницы.

– Приветик! – Ирина одарила Лену царственной улыбкой. – Ты Лена, сестра Артема, я не ошиблась?

– Не ошиблась, – кивнула Лена, сохраняя достоинство.

Она не собиралась лебезить перед этой особой.

– Слушай, а почему я тебя раньше не видела в нашей школе?

– Я только со вчерашнего дня здесь...

– Новенькая, значит... Ну и как тебе у нас?

– Да ничего...

– Никто не обижает?

– Да нет, никто...

– А то смотри, если какая вдруг беда, беги к Усику. Он любому рога за тебя поотшибает...

– К Усику?.. – удивилась Леночка. – А кто это такой?

– Ну ты, блин, даешь... – округлила глаза Ирина. – Вспомни, кому ты прошлым летом щеку рваную заклеивала?

И Лена вспомнила. Симпатичный, мускулистый, полный мужской силы и энергии парень с жестким взглядом. Ей, помнится, так приятно было ощущать над ним свою власть. И больно хотелось сделать...

– Так это и был Усик?.. Я не знала, что его так зовут...

– Я знаю, между вами и слова не проскочило. Но он перед тобой в долгу. Думаю, ему не в падлу будет взять над тобой опеку...

– Спасибо, я в этом не нуждаюсь!

В голосе Леночки послышался вызов.

– Ну как знаешь... Пока!

Ирина в мгновение ока потеряла всякий интерес к Леночке, повернулась к ней спиной и пошла дальше по своим делам.

– Ух ты! – восхищенно протянула Ольга. – Вот, значит, ты какие знакомства водишь! Завидую я тебе...

– Чему? – удивилась Лена.

– Ну как чему? И Усика ты знаешь, и Ириху, и сам Ящер к тебе клеится...

– Ольга, а кто он, этот Усик? Ну, в смысле, на каком уровне он в школе?

– Правая рука Ящера, вот он кто!.. Пацан клевый!.. Но Ящер покруче будет... Короче, я не сказала тебе самого главного. Сегодня вечером в шесть Ящер будет ждать тебя возле «Авроры». Кинотеатр есть такой, знаешь, наверное, где он...

* * *

Напрасно Ящер ждал ее в шесть часов вечера возле какого-то там кинотеатра. Ну как она могла явиться на свидание с человеком, которого и в глаза не видела? Крутой он или нет, ей все равно. Она не из тех, кто поклоняется всяким там кумирам.

Ящер подошел к Леночке на следующий день. Подкараулил ее, когда на большой перемене переходила из одного ка-

бинета в другой.

– Привет! – сказал он и улыбнулся. – Я Вадим Ящуров. Ты, Лена, слышала обо мне... Я, кстати, весь вечер тебя прождал...

– Но я не пришла. – Лена нисколько не смутилась.

Краем глаза она рассматривала новоявленного ухажера.

А он ничего. Даже красивый. Темно-русые волосы, карие глаза. Черты лица неправильные. Но от этого оно не теряет своей привлекательности, а, напротив, только выигрывает. Настоящий мужчина в нем чувствуется. И сложен великолепно. Высокий, широкоплечий, новый костюм отлично смотрится на нем. В каждом слове, в каждом его движении таится сила. Такие, как он, рождены властвовать. Недаром он держит в повиновении всю школу.

И все же ему не добиться ее. И его «боевая подруга» здесь вовсе ни при чем. Она не может позволить себе дружить с молодым человеком. Слишком еще юная для этого. Так утверждала мама.

– Вот именно, – вновь улыбнулся он.

А улыбка у него бесподобная. Интересно, скольких девочек он уже соблазнил ею?..

– Знаете, Вадим, я не хожу на свидания с незнакомыми, – улыбнулась она ему в ответ.

И у нее опасная улыбка. И она умеет сводить парней с ума. Она знает себе цену...

– Извини, я этого не учел... Но теперь, когда мы познако-

мились, ты не должна отвергать меня... У нас тут недавно ресторан новый открылся. Я приглашаю...

– Извини, не могу сегодня...

– А завтра?

В его словах звучала надежда. Он боялся услышать «нет».

– Ты можешь проводить меня до дому, – смилостивилась она...

* * *

Вадим, ее Вадим прилип к этой чертовой сучке. Леночка, такая тихая, такая хрупкая... Змея подколодная! Ну как она посмела увести у нее Вадима? Уже три раза он провожал ее до дому... Иринка готова была придушить свою соперницу.

Сколько труда ей стоило стать такой, какой она была сейчас. Красивая, женственная, идеал для любого мужчины... Только не для Вадима. Он так и не принял ее в свое сердце. Это другие восхищаются ею, сжигают взглядами, признаются в любви. А для него она так и осталась просто другом...

И все из-за этой Леночки, поблядушки с ангельскими глазками... Ну, ничего, она еще пожалеет, сука долбаная!

Первым делом она получит по морде. Нет, сама Иринка мараться не станет. Есть у нее три подружки, только «фас» им скажи, любую уроют. А потом, уже битую, Леночку опустят еще ниже. Все отвернутся от нее, никто и словом с ней не обмолвится. Она такое устроит, что ей не останется иного

выхода, как убраться из этой школы.

Туалет опустел, едва появилась в нем Леночка. Остались только Ирина и три подружки – «торпеды».

– Ну что, дорогуша, попалась?

Рослая, упитанная Машка Зайцева нависла над жертвой всей своей громадой. Две другие девки стали у нее за спиной, перекрыв путь к отступлению.

– Что тебе надо? – спокойно посмотрела на нее Леночка.

– А ты не догадываешься?

Ирина смотрела на нее и презрительно ухмылялась.

– А, это ты!

Наконец-то Леночка заметила ее. Но ни одна черточка не дрогнула на ее ангельском личике. А ведь догадалась, о чем разговор пойдет, не совсем же она дура.

– Зря ты Ящера к себе привязала...

– А я его не привязывала. Сам привязался. И, знаешь, я не возражаю...

Леночка не первая, кого она пускала под «каторку» в этом туалете. И все обреченные ноги ей лизали, прощения вымаливали. А эта тварь даже не испугалась. Мало того, она бросает ей вызов. Какая наглость!

– Ах ты, падла! Вы слышите, не возражает она! – взорвалась Ирина. – А если я тебя сейчас мордой в унитаз?

– Попробуй, – невозмутимо пожала плечами Леночка.

Странно, на что она, дура, надеется? Думает, Ящер на помощь придет? А вот уж крена с два! Все силы мира не по-

могут ей сейчас!

– Пошла! – крикнула Ирина Машке.

Та не заставила себя ждать. Отвела в сторону огромную ручищу... но ударить не успела.

Как будто бес впрыгнул в Леночку. Из тихого ангелочка она вдруг превратилась в самого дьявола. С неуловимой быстротой сразу двумя руками сверху вниз она рубанула Машку по ее массивным грудям. Это было что-то!

Машка закатила глаза и завопила от дикой боли, завладевшей каждой клеточкой ее тела. Отскочив назад, обеими руками закрыв отбитую грудь, не в силах стоять, она присела на корточки. Из нее вырывался стон раненого зверя.

Но Леночка не обращала на нее никакого внимания. Она быстро подалась назад и врезала каблуком полусапожка правой ноги по коленной чашечке второй «торпеды». Крик боли слился с хрипом третьей, которой Лена рубанула ладошкой по адамову яблоку.

Каких-то пары секунд понадобилось «ангелочку», чтобы вывести из игры всю троицу. Вот тебе и тихоня!

Ирина удивленно смотрела на нее, когда она подошла к ней.

– Кстати, Вадим сегодня в ресторан меня приглашал, – скользнув по ней ядовитым взглядом, сказала Леночка. – Как думаешь, идти мне или нет?... Да, я знаю, ты не станешь возражать. Поэтому я приму его приглашение... Пока!

Не причинив ей никакого вреда, она повернулась к ней

спиной и направилась к выходу.

Змея! Настоящая змея!

Только и она не ангел.

Леночка уже выходила из туалета, когда Ирина с разгону, толкнув ее в спину, придала ей ускорение. С каким удовольствием смотрела она, как эта каратистка долбаная прилипла к стене коридора.

Сейчас Леночка развернется и кинется на нее. Но крена с два она ее достанет... Ирина хищно сощурилась, приготовившись к драке. Только драки не вышло. То ли Леночка испугалась ее, то ли воспитание не позволяло ей махать руками на виду у всех. Она ужалила Ирину колючим взглядом и растворилась в толпе.

* * *

Карате-до, этому боевому искусству, ее брата Артема обучал их отец, капитан дальнего плавания. С детства тренировал его. И, конечно же, не оставил в стороне и Леночку. Решил, что и девчонке не помешает умение защищаться. Не зря старался мужик,годились дочери его уроки.

С кем угодно она может справиться, но только не с Ириной. Ее взрастила улица, плевать ей на всяких там каратисток, мать их дери...

Ирина возвращалась из школы домой в одиночестве. Никого ей не хотелось видеть. Душу глодала обида. Как же так,

Вадим, тот, кого она так любила, предал ее, променял на другую!

Конечно, глупо рассчитывать на его верность, раз он не любит ее. Но раньше он все же не позволял себе в открытую увиваться за девками. Договорится втихаря с какой-нибудь дурой о встрече, трахнет ее где-нибудь на стороне, и все. Он не принадлежал Ирине, но, в сущности, не принадлежал и никому другому. И это, можно сказать, устраивало девчонку.

Но Леночкой он увлекся всерьез. Все ее надежды на счастье с ним развеялись.

Иринка шла, опустив голову. Никого вокруг себя не замечала.

– Привет! – услышала она знакомый голос.

Она подняла голову и повернула ее вправо.

Рядом с ней шел какой-то вояка в серой шинели и солдатской шапке. Белый ремень, голубые погоны с двумя желтыми полосками вдоль. О, да это же Артем, ее старый знакомый!

– Что случилось? Почему такая кислая? – спросил он, радуясь встрече.

Его бодрость, живой блеск в глазах передались ей. Она повеселела. На душе немного полегчало.

– Уже не кислая, – она улыбнулась ему.

А он красивый, этот Артем, на редкость красивый. И как идет ему курсантская форма! В ней он уже не кажется тем чистоплюйчиком, за которого она приняла его в первую их встречу.

– А ты, наверное, в отпуск приехал?

– Угадала!.. Две недели гулял бы...

– Почему «бы»?

– Потому что гулять-то не с кем... Ты в прошлый раз дала мне от ворот поворот, и сейчас ответишь тем же. Вон ты красивая какая стала. Таких, как я, у тебя пруд пруди...

– Ну почему? Я, можно сказать, свободна...

Она хотела улыбнуться ему, да не получилось. Помешала мысль о Вадиме, о своей несчастной любви. У нее вышла лишь страдальческая гримаса... Да пропади она пропадом такая свобода!

– Тогда, может, встретимся с тобой где-нибудь сегодня?

Только сейчас Иринка заметила, что идет не туда, куда надо. Сама того не ожидая, она оказалась во дворе дома, в котором жил Артем. Но все бы ничего, если бы она не увидела там Вадима вместе с Леночкой. До подъезда проводил он ее, смотрит, как она скрывается в дверях. Сейчас пойдет обратно. Кобеляка кренов!

Что ж, раз он с другой, то и она будет с другим. Пусть подумает, что теряет ее! Может, тогда и поймет, как много она для него значит.

– Зачем встречаться еще раз, если мы уже встретились? Пошли к тебе, посидим, поболтаем...

– Ты это серьезно? – обрадовался Артем.

Глянув нарочито влюбленным взглядом, Иринка взяла его под руку.

Как она и ожидала, Вадим удивился, увидев ее рядом с другим. Даже остановился, провожая ее глазами. Пусть знает наших!

Дверь им открыла Леночка. Радостно улыбнувшись брату, она повисла у него на шее.

– Ну наконец-то приехал... Проходи!

И тут она увидела ее. Но ни взглядом, ни жестом не выдала своего удивления. Мало того, улыбнулась ей так, будто они давние подруги и только и делают, что ходят друг к дружке в гости.

Да, ее умению держаться позавидуешь. Но и она, Иринка, умеет скрывать свои чувства. Только не дожидаться этой змеи ответной улыбки...

Оказавшись в квартире, Артем быстро скинул с себя шинель и помог раздеться Ирине.

– А где отец?

– Да по своим делам куда-то уехал. Дня через два будет, не раньше. Ты уж извини, что так вышло...

– Да ладно. Я ж не через два дня уезжаю. Еще увидимся.

– Обед не готов. Сама только из школы... Вы уж подождите. Хорошо?

Артем провел Иринку в свою комнату, усадил в мягкое кресло, включил видео.

– Я только приму душ, переоденусь и весь в твоём распоряжении...

Обед был готов через два часа. Леночка могла бы управиться и раньше, но ей хотелось удивить брата и его гостью своими кулинарными изысками. И это ей удалось. Обед превратился в пир.

Стол накрыли в комнате. Фарфор, серебро, накрахмаленные салфетки, горячие блюда, выбор холодных закусок. И шампанское. Артем был доволен. Его радость никак не передавалась Иринке.

Ее мучила ревность. Она старалась не смотреть на Лену. Не хотелось видеть, как та строит из себя радушную хозяйку. Но, увы, все же пришлось признать, что в этом искусстве она явно преуспела. Красивая, умная, заботливая, золотые руки у нее... И это еще крепче привяжет к ней Вадима... Да плевать она хотела на него! Что, свет клином на нем сошелся? Нет, и без него можно жить!

Разозлившись, Ирина решила подавить в себе мысли о Вадиме. И заставила себя думать только об Артеме.

Какой он красивый! Какой сильный! Обходительный! Настоящий мужчина!.. Она уже готова влюбиться в него...

Шампанское кружило голову, недавние обиды уходили прочь, на душе светлело. Хотелось радоваться и веселиться. Она улыбалась Артему и ловила на себе его влюбленные взоры.

И Леночка уже не казалась врагом. Ей нравилось слышать ее нежный смех. Она с благодарностью встречала ее вдруг ставшие теплыми взгляды.

Вино шло легко. Его было много.

– Ты уже не обижаешься на меня? – заплетающимся языком спросила Ирина Лену, когда Артем вышел на минутку из комнаты.

– Ты про тот случай?.. Да ладно, всякое бывает. Забудем! Все-таки классная она девчонка, эта Леночка. А что, если им стать подругами? И пошел к черту этот Вадим!..

За окнами уже стемнело, когда Лена поднялась из-за стола.

– Мне пора, – она виновато посмотрела на брата.

– Куда это ты на ночь глядя? – удивился Артем.

– Я, между прочим, уже не маленькая девочка. И у меня есть право на личную жизнь...

– А кто против?.. У тебя что, свидание?

– Да! Сегодня я встречаюсь с самым красивым на свете молодым человеком!

И она посмотрела на Иринку.

Никогда не забыть ей этот взгляд. Хищный прищур, глаза полные яда, блеск победы и торжества. Она жалила этим взглядом, как змея. Жгучий, пронзительный, он проник в самую душу Ирины, обжег ледяным холодом.

Душевное тепло Леночки, ее дружелюбие – все оказалось тонкой, хорошо продуманной игрой. Расположив к се-

бе Иринку, она тем больше укусила ее. А только этого она и хотела.

Ведьма, настоящая ведьма!.. Это был ее второй ответный удар, и он точно нашел цель...

Иринка снова потеряла дар речи. Не в силах скинуть с себя тяжесть оцепенения, застывшим взглядом она смотрела, как уходит ее соперница.

И лишь когда за Леночкой захлопнулась дверь, только тогда она начала приходить в себя. И чтоб окончательно избавиться от внутреннего тормоза, она с еще большим энтузиазмом налегла на шампанское.

Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!.. О, как она ненавидела сейчас и Леночку, и Вадима... А-а, она знает, это он подготовил свою сучку Леночку так подло и жестоко с ней поступить... Ирина не замечала, как путаются мысли в ее голове...

– Ты домой пойдешь или останешься? – как будто сквозь сон услышала она голос Артема.

Домой?.. Нет, ей не хочется идти к себе домой, в эту вонючую клоаку с вечно пьяными родителями. Да, у нее есть своя комната, куда алкашам вход строго воспрещен. Но там холодно, неуютно...

– Нет, – покачала она головой. – Я, если можно, останусь...

– Конечно, можно! – Артем был в восторге. – Отец в отъезде. Я буду спать в его комнате, а ты – в моей. Идет?

– Идет, – кивнула она.

Каков кавалер! Уступает свое место даме... Нет чтобы предложить ей место в одной с ним постели... Ирина пьяно усмехнулась.

Только прежде чем разойтись по комнатам, они долго сидели перед его телевизором, смотрели какой-то американский боевик, потягивали вино.

– Может, ты примешь душ? – спросил Артем, когда фильм закончился.

– Да, неплохо бы...

Это раньше она не очень-то следила за чистотой своего тела. Но с тех пор, как она решила видеть в себе прежде всего женщину, старалась мыться каждый день. Пусть и грязная у нее с родителями квартира, но ванная и горячая вода есть.

– Тогда я принесу полотенце и халат.

– Халат? Только вот этого не надо! – Ее ужасала сама мысль воспользоваться вещами Леночки. – Видишь ли, я не ношу чужое...

– Ты не думай, халат я тебе дам совсем новый. Матери в подарок вез... Но ничего, подарю что-нибудь другое. А халат останется тебе. Пусть это будет мой тебе подарок.

– Я не нуждаюсь в чужих подарках. – Ирина метнула в него негодующий взгляд.

– Тебе не угодишь, – без обиды в голосе сказал Артем.

Он был так красив и обаятелен, что она тут же сменила гнев на милость.

– Давай, неси свой халат, – улыбнулась ему.

Спать Иринка ложилась в одиночестве. Артем пожелал ей спокойной ночи и отправился в комнату отца.

Уснуть ей никак не удавалось. Не давали покоя мысли о Вадиме.

Где он, этот сукин сын? Чем занят?.. Леночка, мать ее за ногу, еще не вернулась. А ведь уже ночь... Наверное, целуются где-нибудь сейчас. А скорее всего он трахает эту шлюху!.. Скотина!

Но нет, она не будет страдать! Она забудет об этом кретине!.. Нет, это же надо, она столько лет ждала, когда Вадим захочет, чтоб она стала его девушкой. А он так грубо надсмехался над ней. Сволочь!.. Она даже девственность свою берегла, дура...

Девственность?.. Дура... Она и впрямь дура. Кому нужна ее девственность? И почему она должна ее беречь? В свои-то шестнадцать лет...

Обида, желание отомстить и винные пары в голове родили шальную мысль.

Артем красивый, сильный. Такие мужчины встречаются нечасто... Почему бы ей не переспать с ним? Ей уже давно пора стать женщиной...

Эта мысль казалась такой естественной. Что, если она прямо сейчас встанет и отправится к нему?.. Да, так она и

сделает... Давно уже пора познать вкус мужчины...

Иринка встала, набросила на себя халат и направилась к Артему. Она не испытывала ни жалости к себе, ни угрызений совести. Ей было жутко интересно, только и всего.

* * *

Артем ворочался в отцовской постели и никак не мог заснуть.

Какой тут сон, когда рядом, рукой подать, лежит и, возможно, не спит та, которую он так долго и тщетно пытался забыть?

Дикая и грубая девчонка, эта Ирина. Так он думал прошлым летом. Но она запала ему в сердце.

И вот, какое везение, он встречается ее, едва только появляется в Краснинске. Из диковатой пацанки она превратилась в милую девушку, модно одетую, с шармом. В ней уже нет той первобытной грубости. Есть только не по-женски твердый характер. Но от этого она лишь выигрывает. Странно, но она желает отправиться к нему домой. А дальше, о чудо, остается у него на ночь.

А он, дурень, укладывает ее в своей комнате, а сам уходит в другую. Она пьяна, в ее голове, возможно, бродят безумные мысли. Самое время приласкать, впиться губами в ее губы. А дальше... дальше, как всегда... Как всегда с другими...

Но Ирина не другая. Он любит ее до безрассудства. Он не может так просто «атаковать» ее. Сначала он признается ей в любви. Но это будет завтра... А почему не сегодня? Артему хотелось снова оказаться рядом с Ириной, наговорить кучу ласковых слов, открыться в своих чувствах. Она должна знать, как он любит ее!

И он был уже близок к тому, чтоб идти к ней, как вдруг она сама пришла.

Шла медленно и молча. В свете ночника он видел ее загадочную улыбку, шальной блеск в ее глазах.

– Ты не ждал меня? – спросила чуть насмешливо, остановившись возле кровати.

Вяжущее волнение мешало ему сосредоточиться. Все происходящее сейчас здесь, в этой комнате, казалось сказочным сном.

– А я пришла... У тебя есть выпить?

– Да, я сейчас...

Он дернулся, чтобы вылезти из-под одеяла, но она оставила его.

– Не надо, я и без того пьяна... Скажи, ты любишь меня?

Он не понял, в шутку это сказано или всерьез. Но ему было все равно.

– Да, я тебя люблю. Очень...

– А почему же ты удрал от меня?

– Удрал? Я никуда не удирал... Я просто...

– Ты просто испугался?

Ирина по-прежнему стояла у кровати.

– Нет, я ничего не боюсь...

– Ну так докажи мне это. – Неуловимо быстрым движением она скинула с себя халат. Под ним ничего не было. Ничего! Только ее обнаженное тело...

Артем не верил своим глазам. Ирина, эта строптивница Ирина, стоит перед ним совершенно голая и обворожительно ему улыбается.

А тело у нее великолепное. Полная грудь, плоский живот, узкая талия, длинные стройные ноги...

Еще через мгновение он пробовал на ощупь ее нежную бархатистую кожу...

* * *

Артем был нежен и заботлив. Он не набросился на нее, как оголодавший зверь. Он шептал ей ласковые слова, целовал мочки ее ушей, шею. Пальцы рук невесомыми мотыльками порхали по соскам ее грудей, гладили живот, опускались все ниже... Иринка изнывала от наслаждения. Она даже не представляла себе, что может быть так хорошо...

Но что такое настоящее блаженство, она поняла, когда Артем вошел в нее, заставив содрогнуться от острого восторга. Искусный любовник, он заставил ее познать всю прелесть секса с первого раза... Ирина была благодарна ему. Она стала женщиной!

Ирина проснулась в его постели.

Ей не понадобилось вспоминать, как и почему она здесь оказалась. Не мучилась она и вопросом, как могла позволить себе такое. Нет, раскаяние ее не терзало, не испытывала она и стыда. Случилось так случилось. Чему быть, того не миновать...

Но вчерашнего восхищения Артемом уже не было. Она больше не испытывала к нему никаких чувств. Парень как парень... Увы, заслонить собой Вадима ему не по силам...

Она посмотрела на электронное табло часов на тумбочке. Половина шестого, еще совсем рано. Но она не может оставаться здесь. Пора уходить и из этой комнаты, и из квартиры. Она уйдет, чтобы больше не возвращаться сюда.

4

Сема знал о Вадиме как о своем сопернике. Но пока тот не питал к Ирихе других чувств, кроме дружеских, он не особенно переживал. Его радости не было предела, когда Вадим всерьез привязался к Леночке. К той самой, которая когда-то позаботилась о Семе, обработала рану на его изуродованной щеке.

Леночка, думал он, девка, конечно, клевая. Красивая,

добрая. Но с Ирихой она ни в какое сравнение не идет. Не тот покрой...

Он пару раз сталкивался с ней в школе. Улыбнулся в память о прошлой их встрече, пообещал быть ей верным защитником, если вдруг какая «мочалка» наедет. На этом и расставались. Да только его опека ей была не нужна.

Ее, оказывается, уже обхаживал Ящер. Никогда и ни с кем не вел себя Ящер так, как с Леночкой. Свидание ей назначил, ну прямо как очкарик-интеллигент. И где? Возле кинотеатра! Да он уже лет сто в кино не ходил...

Правда, в кино они так и не сходили. Зато в кабак, самый центральной, завалились. Но только один раз. Ящер ведь на бабки из общей кассы гулял. А «кассиром» он был не особенно щедрым, даже если дело касалось лично его.

Вот, например, на Ириху он не поспешил. Одел, как королеву. И ему, Семе, прикид состряпал не абы какой. Знал, как туго у их предков с «капустой». Но и сам он голь перекатная. Да только на костюмчик для себя бабок пожалел. Хорошо, Леночка вовремя подвернулась. Вот ради нее он на расходы и пошел. Даже кабак в них включил. С согласия всех, в этом деле он был щепетилен...

Уже месяца два он с Леночкой тусует. И даже не думает ее бросать. Напротив, его все больше притягивает к ней.

Позади уже холодный промозглый март. Начало апреля. Скоро весна совсем оттеснит зиму. Надоели уже снег, холод и мороз.

Все реже и реже Сема ходил в школу. Тоже надоела до чертиков. Совсем бы бросил, да обидно – зря столько лет учился?

Дела у Ящера шли неплохо. То там «хрустов» для казны урвет, то там. Неплохие вроде бы бабки собирает, да только можно иметь и побольше. Почему бы им самим не заняться тем же наркобизнесом, например? Анаша и всякая другая ей подобная «дурь» уже, можно сказать, день вчерашний. Многие сейчас подвизаются на более серьезных вещах. «Колеса» в ходу, на опий большой спрос.

Команда у них крутая, пацаны все толковые, с головой. И силенок им не занимать. Кому хочешь башку свернут. И даже оружие есть – так и остался у Ящера тот самый «наган», доставшийся ему от покойного Валеры. Почему бы не наладить каналы доставки наркоты в город? Со сбытом проблем не будет – наркош хватает. И конкурентов на задний план оттеснить не так уж трудно. Есть для этого задел...

Да только Ящер ни в какую. Мусора зацапают, всех на Колыму загонят. На нары захотелось?.. Да, конечно, неплохо жить на одних лишь данщиках. Так спокойней... И все равно, нужно что-то делать и помимо этого...

Ладно, с наркотой не получилось. Но он знает, чем заняться. Сегодня к нему подошел Самовар, давний его корешок. В армейке два года оттарабанил, сейчас на станции техобслуживания «Жигули» ремонтирует. В машинах он спец. С детства папаше помогал.

– Сема, дело у меня к тебе, – шепнул на ухо Леха.

А дело-то оказалось нешуточным.

Рисковый малый этот Леха. Какими-то ему одному ведомыми путями вышел он на «контору», которая по запчастям сбывала на рынке краденые тачки. И подрядился поставлять им товар. Вскрыть и завести чужую машину – дело для него плевое. И водить умеет, не придерешься. И все же на третьей краже чуть не попался. А все потому, что некому было предупредить его о некстати появившемся хозяине «Жигулей». Хорошо, мужик дохлым оказался. Врезал ему Самовар промеж глаз, тот с копыт брык, а он ноги в руки, только его и видели. А если бы мужик покрепче оказался...

Короче, решил Леха работать в паре. Он машину вскрывает и заводит, а Сема, если согласится, стоит неподалеку и глядит в оба. Если вдруг что не так, поднимает шухер.

– А почему я? – спросил его Сема.

– Потому что тебе, как и мне, рисковать по кайфу. И ваще... Думаешь, я не слышал, как ты с Ящером базарил о том, чтобы самим «шмаль» толкать? Я, брат, все слышал. На серьезные дела тебя, я понял, тянет. Вот такое дело я тебе и предлагаю... Ну что, запрягаешься?

– А сколько я буду с этого иметь?

Вопрос этот для Семы значил немало. За гроши рисковать собой он не собирался.

– Весь калым пополам. Идет?

За первую свою тачку Самовар огреб на лапу пять со-

тен «рваных». Вторую оценили в шестьсот. Третья пошла за столько же. В неделю, если стараться, можно угонять по две-три машины. Вот и считай...

– Идет!

И вот оно, его первое дело.

Голубой «жигуленок» первой модели сиротливо стоял у подъезда девятиэтажного дома. Ночь, холод, ни единой живой души во дворе. Хозяин машины спит себе спокойно в своей теплой постели и в ус не дует. Такое старье, как у него, говорят, не угоняют. Кому нужна побитая с двух сторон «копейка»?

Да только ошибочка вышла. Привлекла-таки его старушка чужой заgreбуший взгляд.

– Рухлядь, – глядя на машину, тихо сказал Леха. – Больше четырех сотен за нее не отвалят. Зато проблем никаких. Опыт поимеешь... Ну что, за дело?

Покачиваясь, исторгая из себя негромкие, но звучные ругательства, Самовар подошел к автомобилю. Сема остановился неподалеку от него. Взял под наблюдение близлежащие подъезды.

С дверным замком Леха возиться не стал. Проткнул шилом резиновый уплотнитель между стеклами, сунул в отверстие проволочную петлю, ловко подцепил защелку, потянул вверх. Дернул за веревочку – дверца и открылась.... Еще несколько секунд ушло на то, чтобы выдернуть из гнезда замок зажигания, замкнуть нужные клеммы. Вж-ж! Машина

завелась.

Оглянувшись напоследок по сторонам, Сема присоединился к другу.

– Чисто сработано, – хлопнул он Леху по плечу, когда «жигуленок» благополучно покинул город.

– А ты думал...

– Только не понял я, какого крена ты пьяного из себя корчил?

– А ты понимай... К делу, скажу я тебе, братан, нужно с фантазией подходить. Вот идешь ты, к примеру, по улице и видишь: пьяный возле машины возится, открыть ее никак не может. Какая мысль в твоей башке замаячит?

– Ключи дурень, подумаю, забыл...

– Или какого он крена, ужратый, за руль, падла, лезет... Но то, что это не его машина, ты даже и не подумаешь. И всякий другой не всечет.

– И пройдет мимо сквозняком...

– На то и расчет.

– Но с хозяином тачки этот номер не прокатит.

– Шаришь... Вот для этого случая ты мне и нужен. Если вдруг наедут на меня, будешь выручать.

– Кастетом по чайнику, и все дела...

Сема нисколько не сомневался в том, что, если возникнет надобность, он сможет даже грохнуть человека. Хотя, конечно же, лучше обойтись без жмуриков...

Дела у Семы шли неплохо. К маю они с Самоваром угнали

семь машин. За все про все он положил себе в карман без малого полтора «куска». Солидный навар. Столько за месяц не собирала в свою казну вся команда Ящера.

Правда, не все получалось так, как хотелось бы. Когда они с Лехой угоняли седьмую тачку, откуда ни возьмись появился мент, в форме, при оружии.

«Ага! Попался!» – победно возвестил он и полез вытаскивать Самовара из машины.

Одной рукой за ворот ухватил, другой начал кобуру на поясе расстегивать. «Пушкой» своей припугнуть Леху захотел. Да только Сема не растерялся. Подскочил к нему сзади да как звезданет по горбу замком из сомкнутых ладоней. Вырубил, словом. Хорошо хоть копыта легавый не отбросил. Да и «ствол» ему оставили. Ни к чему еще больше озлоблять мента.

С тех пор в Краснинске больше не работали. В Москву решили рвануть. Там и машин больше, и затеряться в толпе гораздо легче. А ехать туда недолго, час всего на электричке. Обратно на угнанной машине еще быстрее.

В столице дела и в самом деле могли бы пойти не в пример лучше. Да только, вот беда, сразу напоролись на новую неприятность. До самой смерти, наверное, будет вспоминать Сема тот день.

Как всегда, после обеда он и другие братки из его команды «качались» в подвале. Лежа, в упоре, он отжимал от себя штангу, когда появились четыре мрачных типа. Три здо-

ровяка ростом под потолок и один поменьше, «основной». Жесткий колючий взгляд, надменная полуулыбочка на наглой физиономии, блеск золотой фикса, руки в брюки, сигаретка в уголке рта дымится. Сразу видно, из блатарей.

– Эй, какого крена вам здесь надо? – грубо окрикнул незваных гостей Ящер, бросая тяжелые гантели на пол.

– Ша, сямка, хлебало заткни! – едва удостоив его взглядом, рявкнул фиксатый.

– Ты че, припух, мурло? – окончательно вышел из себя Ящер и шагнул к наглецу.

И остальные все двинулись за ним. Сема также подался вперед. Нет, это ж надо, какие-то мутилы приклатненные внаглянку заявили в их святая святых и порядки свои тут устанавливают!

Но Ящера и других остановили три «шпалера», появившиеся в руках у здоровяков. С «макаровыми» шутки плохи.

– Только рыпнитесь, шавки, живо в пустые черепа сквозняки впусу! – пригрозил фиксатый.

Ящер застыл как вкопанный. Но ни капли растерянности в его взгляде, ни тени испуга на лице. Он всего лишь подчинился суровой необходимости. Сема неволью позавидовал его выдержке.

– Ну, чего тебе, дядя, надо? – недрогнувшим голосом спросил он.

Но фиксатый уже не обращал на него внимания. Полуобернувшись, он призвал к себе кого-то из темноты подваль-

ного коридора.

Рыжий толстяк с хитро бегающими глазками, вынырнувший из-за его спины, не казался сейчас тем самоуверенным и гордым, каким его привык видеть Сема. Этот тип заправлял той самой «конторой», куда они с Самоваром сгоняли краденый товар.

– Ну, фраерок пузатый, стукни-ка мне на своих поделничков...

Сема и Леха озабоченно переглянулись, когда по требованию фиксатого рыжий ткнул пальцем сначала в одного, затем – в другого.

Блатарь хищно улыбнулся и подошел к Семе. Его цепкий взгляд определил в нем главного. Что ж, он ненамного ошибся. Сема смотрелся посolidнее Лехи, и авторитет у него в команде был покруче. Хотя в их ночных вылазках Самовар держал козырную масть. Что ни говори, а самая тонкая работа лежала на нем, от него успех зависел... Но какое это сейчас имело значение?

– «Восьмерочку» белую помнишь, недоумок? – всверливаясь в него уничтожающим взглядом, прошипел фиксатый.

Белая «восьмерка»? Ну, конечно же, Сема не мог не помнить эту красавицу. Классная была тачка. Залюбуешься. Новехонькая, совсем недавно с конвейера, движок работает еле слышно, ход мягкий, пружинистый. Мечта, одним словом!

Вчера они с Лехой сошли с электрички на Белорусском вокзале, откуда собирались прошвырнуться по городу в по-

исках очередной жертвы. И вдруг, глядь, прямо перед ними на площади останавливается «восьмерка», мужик из нее выходит, торопится куда-то. Отправляясь по своим срочным делам, машину закрыть забыл. Мало того, даже не удосужился вытащить ключи из замка зажигания. Ну как не проучить этого торопыгу?

Через пару часов они уже были в гараже у рыжего. Тот пришел в восторг, рассматривая тачку, не торгуясь, отстегнул на двоих аж восемь сотен. Никогда они еще так много не получали...

– Ну, помню... – буркнул Сема.

Нутром своим он чувствовал приближение катастрофы.

– И он помнит, – с недоброй ухмылкой на тонких злобных губах кивнул на рыжего фиксатый. – А знаешь, у кого ты, гаденыш, тачку-то увел?

– У кого?

– У ба-альшого человека! У законного вора... Он, кстати, привет тебе передает!

И резким движением он вогнал свой кулак Семе под дых. Заставил его согнуться в три погибели.

И тут же в уши ворвался грохот пистолетного выстрела. Это один из трех громил пустил пулю под ноги Ящеру, который неосторожно ринулся на помощь другу. И тот остановился, продолжая оставаться беспомощным свидетелем происходящего.

– Твой фарт, фраерок, что тачку мы взяли обратно. По-

везло тебе, да только не совсем... Короче, с тебя и с твоего корешка пять «кусков». Усек?

– У нас нет таких бабок, – разгибаясь, истекая ненавистью, сказал Сема.

– А это твои проблемы... Лавье отдашь этому, – кивнул фиксатый на рыжего. – Сроку у тебя всего ничего. Два дня. Не отдашь должок, выпишем билетик на тот свет. Я перед тобой порожняки не гоняю...

И, еще раз окатив Сему ледяным взглядом, фиксатый повернулся к нему спиной и походкой победителя зашагал к выходу. За ним исчезли и все его спутники.

Какое-то время в подвале стояла тишина. Гнетущая, напряженная. Она давила на перепонки и сжимала душу. Сема был бы рад сейчас провалиться сквозь землю.

– А теперь слушай сюда, Сема, – первым нарушил тишину Ящер.

Он с пренебрежением смотрел на него и недобро усмехался. В глазах стоял холод.

Похоже, самое худшее только начиналось.

– Ну, че тебе? – насупился Усик.

– А ты волком на меня не смотри! – взорвался Вадим. – Ты лучше скажи, о какой «восьмерке» базар тут шел?

Он все понял. Поэтому и злился. Ну как же, угоняли машины без его на то ведома... Семе стало не по себе.

– Ну, мы с Самоваром тут тачку одну угнали...

– Одну? Всего одну? – Подозрительный взгляд Ящера со-

скользнул с него и уткнулся в Леху. – Вы мне тут горбатого не лепите...

Самовар сразу потускнел, как будто изморосью покрылся. Малый он не промах, смелый, рискованный, но перед Ящером робеет. Признает его превосходство над собой. Да, этот монстр с тяжелым взглядом умеет, когда нужно, нагнать страху. Недаром же у него такой авторитет...

– Да ладно тебе, Ящер, на яйца катком наезжать, – несмело буркнул Леха, не глядя в глаза. – Ну не одну мы с Семей тачку обули, не одну... А чо тут такого?

– Ты героя из себя не строй. Хоть по сотне тачек в день угоняйте, это ваши дела. Но я знать об этом должен! – Ящер все больше расходился. – Мы одна команда, а я в центре. Никаких тайн от меня быть не может. А если втихаря хотите дела свои проворачивать, то валите отсюда на крен... Ты понял меня, Самовар?

– Да понял...

– А ты, Усик?

– Угу...

– Вы обокрали нас, – тон Ящера обрел силу приговора.

– Чо? – взвился Сема. – Ты, в натуре, думай, чо втираешь!

– Хавло заткни!.. Вы тачки угоняли не за просто так. Вы с этого навар имели...

– Ну и?..

Куда это Ящер, блин, клонит?.. Сема догадывался куда, а потому и злился.

– И неплохие бабки на карман вам шли... А в казну не отстегнули ни копыя...

– В казну?.. Ни копыя?.. А с какого крена я с кем-то должен делиться?.. Я, бляха, шкуру свою под статью заложил. Мне, а не вам тут всем, если вдруг что, менты срок навесят! Так с какой это, интересно, мохнатки мне в казну бабки отстегивать?

Злость захлестывала Сему с головой. Но сила ледяного взгляда, которым Ящер пронизывал его насквозь, не позволяла ему выйти из себя окончательно.

– А с такой!.. Ты с Самоваром работал на того рыжего, которого блатары с собой притащили. Я так понял или не так?

Вадим бил, хлестал по лицу колючими словами.

– Ну, так...

– А он, этот петрила, вас, мутаков, и подставил... Нарвались вы на блатарей, у крутого дяди тачку угнали. А блатные, сами знаете, этого не прощают. Пустили хвост по вашему вонючему следу. Вышли на вашего рыжего ублюдка, а тот сразу лапки кверху. Тачку у него, я так понимаю, сразу забрали. И «кусков» так несколько с него скачали. А еще с вас, мутил, захотели поиметь. И рыжий этот козел рад стараться. Ни за крен собачий сдал вас, дуриков безмозглых, подчистую...

– Я питара этого рыжего, мать его так, за яйца подвешу!

Ничего не хотел сейчас Сема, как расплатиться по счетам со своим «работодателем». На него переключил свою бурля-

щую злобу.

– Да? Подвесишь?.. Сам? А мощи-то хватит? – В голосе Ящера слышалась явная издевка.

Что ж, тут его правда. В одиночку или даже на пару с тем же Самоваром с рыжим ему никак не сладить. «Контора» у него серьезная. Вышибалы даже есть, сам видел. Здоровые дяди. Да и механики, которые краденый товар «распаковы-вают», в обиду шефа не дадут. А наказать этого прощельгу надо.

– Дашь «наган», сам его загашу... – не глядя насмехающемся Вадиму в глаза, ответил он.

А что? Ведь где-то у Ящера в загашнике покоится тот самый «наган», который он когда-то отобрал у Каурова. Чего ему ржаветь без дела?

– «Наган»?.. А обломайся! – еще больше развеселился Вадим. Хорошо хоть фигу под нос не сунул. – Ты же для нас вроде как чужой! Ты же положил на нас! Мы сами по себе, ты сам по себе! Крен нам, а не бабки в казну... Что, не так?.. Запомни, Усик, все вместе мы сила! А порознь, как веник без стяжки. Любая мразь на нас насыт и даже не поморщится... Ну так есть какой толк в общую казну отстегивать?

Ящер смотрел в упор. Его взгляд обжигал. Сема не выдержал и вбил свои глаза в бетонный пол.

– Сколько с меня?

– И с меня? – глухо вторил ему Самовар. На него так же жалко было смотреть.

– То-то же! – смягчился Ящер. – Сколько у вас на кармане у каждого? Только не темнить...

– Ну, «кусочек» и три стольника, – буркнул Сема.

– На стольник больше... – добавил Леха.

– Итого, больше чем половина долга блатарям... Не гу-сто, – подытожил Ящер. – Что будем делать? Где бабки брать думаете?

– Не знаю, – пожал плечами Сема.

– Я тоже, – развел руками Самовар.

– А я знаю. Остальное доложим из казны...

Нет, что ни говори, а Вадим своих в обиду не даст. Что бы он там ни чесал языком, а они с Лехой для него как были, так и остались своими... Сема чуть ли не с благодарностью глянул на друга.

– На том и порешим, – Вадим этого как будто и не заметил. – Короче, два «куска» и семь сотен за вами. Плюс к этому с вас еще столько же. Это штраф. Два «куска» и три сотни – это ваш долг. Но долги – это потом... И забейте себе в мозги, там, на стороне, можете крутить любые дела. Но, хоть сдохните, а треть отстегивать в казну. Это касается не только вас обоих. Это касается всех!

Жестким взглядом Вадим обвел пацанов. И все утвердительно закивали головами. Каждый сейчас ясно осознавал важность этой установки. В негласный закон их уличного братства с легкой руки вожака вписался новый и основополагающий пункт.

Давид Реонгольдович Маисов гордился своим предприятием. Но больше всего он гордился самим собой.

Не так давно, в самом начале перестройки, вместе с двумя такими же, как и он сам, автомеханиками он открыл кооперативную мастерскую по ремонту легковых автомобилей. Впрочем, подобное название было слишком громким для холодного железного гаража неподалеку от городской свалки. Но время шло – дело на месте не стояло. У компаньонов Давида Реонгольдовича руки были золотыми. Работали они не только хорошо, но и быстро. Скоро от клиентов не стало отбоя. Через год железный гараж сменило просторное капитальное строение на шесть рабочих мест. Клиентов хватало, денег тоже. Но чем было больше денег, тем он сильнее в них нуждался.

Тогда он снова расширил свое предприятие. Создал дополнительные рабочие места, но уже нелегальные, теневые. В малоприметной пристройке за гаражами верные ему люди готовились принять первую партию угнанных машин. И краденый товар не заставил себя ждать.

Прежде с блатными Давиду Реонгольдовичу дела приходилось иметь постольку поскольку. Шустрые малые, так и норовят на понт взять. Частенько бывало, заберут из ремонта машину и уезжают, не расплачиваясь.

Но все это было не так серьезно. Ну подумаешь, пару автомобилей задарма отремонтировали. А вот в этот раз он влетел куда круче. Эти, что нагрянули к нему на прошлой неделе, заставили его почувствовать себя жалким червем.

А все началось, казалось бы, с мелочи.

Леха Самовар, этот проныра с легкой рукой, работал на зависть многим быстро и ловко. По три машины за неделю пригонял. А это не шутка. Ведь машину нужно долго обхаживать, прежде чем угнать... А какую красавицу он в последний раз привел. Белая «восьмерочка», мечта всей жизни. Цацка! Даже разбирать ее стало жаль. Решил для продажи в Грузию приберечь. Номера на движке и шасси перебить, и все такое прочее. И катайся себе сколько хочешь. И хорошо, что не разобрал.

«Восьмерку» эту, оказывается, угнали не у кого-то там, а у вора в законе. Его «торпеды» вмиг вычислили, куда подевалась тачка. И нагрянули к нему, к Давиду Реонгольдовичу, с расправой.

Почки отбили – это ерунда. Легко, считай, отделался. А могли ведь и пулю промеж глаз вогнать. И вогнали бы, если б не нашли свою долбаную «восьмерку».

Машину забрали, бока ему намяли. Но этого блатарям показалось мало. На десять тысяч, падлы, облегли его карман. Моральный ущерб, мол. Начитались, урки креновы, всяких там кодексов. Деньги он им отдал. Но им, ненасытным, и этого мало. Давай, говорят, веди нас к тем, кто само-

лично «восьмерку» увел.

Хорошо, он знал, где искать Самовара и его подельника, некоего Сему, мордovorота – косая сажень в плечах. Зарулили во двор дома. А вот номера его, Лехи, квартиры он, хоть убей, не знает. Да тут пацан-малолетка под руку подвернулся. Он-то и выручил – показал подвал, где пропадал Самовар.

Разговор с пацанвой был коротким. Пять «кусков» на бочку! Через два дня бабки к нему, Маисову, подвезете...

Самовар и напарник его приехали в срок. Отвалили пять «кусков». И говорят, мы тебе, братан наш Ржавый – прямо так и сказали! – сразу несколько тачек подгоним. Должок, мол, отработать надо. Он, конечно же, согласился. И ему ведь убыток как можно скорей восполнить надо.

Но вот уже пять дней прошло, а этих голубчиков все нет и нет. Ну и крен с ними! Похорохорились перед ним да и в сторону. Страх взял – отошли от дел. А вдруг еще, думают, на блатных или, того хуже, на ментов нарвутся... Как-нибудь без них обойдемся...

Давид Реонгольдович обычно отдыхал днем. А ночью, когда дело крутилось на полных оборотах, находился в гараже, лично принимал и осматривал товар, сплавлял его «под нож» механикам.

Сегодня через его руки прошла всего одна машина. Сравнительно новый «Москвич» с помятым крылом. Не густо, но и не пусто. Второй час ночи уже как-никак. Обычно к этому

времени он принимал не меньше двух автомобилей.

Ворота открылись мягко, без скрипа. В гараж въехала «двадцать четвертая» с затемненными окнами. На вид ей года три-четыре, не больше. Неплохо, неплохо... Вслед за ней в те же ворота вкатились «Жигули» седьмой модели. Почти новые. И это еще, оказывается, не все. За первыми двумя остановились еще три машины. «Шестерка», «тройка» и «Москвич». В гараже они не поместятся, пусть дожидаются своей очереди на дворе. До утра всех их разберут, механики уж постараются.

Хлопнула дверца «Волги». Медленно, вразвалочку к Маисову подошел Самовар. Лет двадцать этому пареньку. Но выглядит старше своих лет. В армии служил, гиревым спортом занимался, разряды имел. Здоровенный детина, кулаки крепкие, тяжелые. И взгляд тяжелый. Злоба в глазах. Смотрит на него как на врага народа. Ну да, он вроде как виновен перед ним, блатарям сдал. Но ничего, стерпится – позабудется.

За Самоваром выросла фигура его напарника, того самого Семы. Тоже крепкий парнишка, плечистый, грудь колесом. На нем безрукавка, видно, как крепко «накачан» он. Культурист, мать его. Качков в Краснинске пруд пруди. Кстати, Сема, похоже, и сам машины угонять наловчился. «Семерку» привел.

А вот и третий нарисовался. Тот самый, который буром пер на Шаланду, на блатаря с золотой фиксой. Не робкого

десятка пацан, чувствуется в нем внутренняя сила. И «накачан» так же круто. Волчий взгляд...

– Ну что, Ржавый, принимай товар, – он заговорил первым.

А ведь с ним он никаких дел не имел. Видно, теперь расклад придется поменять.

– Я не Ржавый! – огрызнулся Маисов. – Меня, между прочим, Давидом...

– Заткнись, мурло! – надвинулся на него пацан. – Стукач кренов!

Ишь как заговорил! Ну прямо как тот урка. Но ведь не из них он... Но все одно, не безобиден, черт...

– Я бы попросил не выражаться! – взвизгнул Давид Реонгольдович.

– Я же сказал, заткни хавло! Сюда слушай, падла!

Ну нет, пора ставить на место этого нахала.

– Эй! – крикнул он и, махнув рукой, подозвал к себе всех своих. Пусть видит этот недоумок, какая у него силища!

Паша и Веня, вышибалы, словно две горы выросли за его спиной. Обоим под сорок, сила убойная – подковы гнут. Животы, правда, пивные. Сами грузные на вид, неподъемные. Но это нисколько не мешает им сделать из этого нахала отбивную. И механики подтянулись. Сан Саныч, Петрусь, Линьков Витя, Ленчик с Митьком – ребята не промах. Ко всему готовы. Вон у каждого по монтировке в руке. Только скажи, так «хором запоют», вмиг из этой шпаны воздух вы-

пустят.

В тот раз, когда блатные понаехали, бригадка его подпольная, если честно, сплеховала. Никто не решился под пули лезть. Но то ж блатные...

Да только что-то не очень напуган этот нахал с большими бицепсами.

– Ты, дядя, шутки свои брось, – зло усмехнулся он.

Уже не «Ржавый», уже «дядя» – хоть какой-то сдвиг...

– Чего ты хочешь? – Давид Реонгольдович не без основания чувствовал себя хозяином положения.

– Я же говорю, мужик, товар принимай! Пять тачек тебе подогнали. Мало?

– Хватит... По пять сотен за каждую, и отваливайте...

– Э-э, нет, мурло, ты так просто от нас не откупишься. Пять сотен своих ты себе в одно место засунь... По два «куска» за тачку, и разбежались...

– По два «куска»?.. Ты чо, окренел, сосунок?

– А ты, Ржавый, не гони, не запрягал, – взгляд грубияна остекленел. – Ты моих пацанов подставил, на бабки они попали. Им ведь долги, суки, отдавать надо... А «сосунками» ты, козел, зря разбрасываешься...

– Дергай отсюда, пока цел!

– Да пошел ты...

Давид Реонгольдович окончательно вышел из себя. Рассчитывая на помощь своих громил, он размахнулся, чтобы ударить нахала. Но тот на шаг отступил назад, стал недося-

гаем для удара. И тут же его рука скользнула куда-то за спину. Через мгновение показалась снова, но уже не пустая – с «наганом».

Маисов похолодел, когда «ствол» ткнулся ему в лоб, щелкнул курок.

Но это было еще не все.

Захлопали дверцы машин, и за спинами троицы с «наганом» повырастали фигуры накачанных молодцев. Жгучие взгляды, угрожающие маски на каменных лицах, в руках – обрезки стальных труб. Числом их никак не меньше десяти, к двум десяткам ближе. Точно подсчитать бедняга Давид Реонгольдович был просто не в состоянии. Ствол «нагана», упертый в лоб, мало способствовал мыслительному процессу.

– Короче, Ржавый, десять «кусков» с тебя. Не отдашь, получишь пулю в лоб. И контору твою на крен разнесем. А козлам твоим пальцы поотшибаем. До конца дней своих ни ключа, ни монтировки в руках не удержат... Впрочем, тебе уже тогда будет все по керу... Так что, отвалишь «хрусты»?

– Отвалю! – прохрипел Маисов. – «Пушку» убери!

Нахал усмехнулся, но «ствол» убрал.

– Только денег у меня здесь с собой нет...

– Не звезды!

– Ну нету, говорю...

– Ладно, посмотрим...

Грубиян кивнул Самовару и Семе. Те сразу все поняли

и оба одновременно мощными ударами ног врезали Паше и Вене по причинным местам. И тут же к вышибалам подско-чили еще два молодчика и начали бить их железяками. Оста-новились, когда те затихли без чувств на бетонном полу.

На помощь Паше и Вене не пришел никто.

– А теперь, Ржавый, будем мочить тебя, – пригрозил на-хал.

– Есть у меня деньги, есть...

Пацаны молодые, но не по годам серьезные... Придется уступить...

– Пять минут у тебя. Пшел за бабками!

Давид Реонгольдович поджал плечи и с видом побитой со-баки потащился к тайнику, где лежали деньги. Жаль было расставаться с ними, с родимыми. Но ведь не за здорово же живешь он их отдает. Как-никак пять машин за них поиме-ет... Эх, какой же он кретин, что не отдал бабки сразу. Бед-ные Паша и Веня, живы ли они?

* * *

Все-таки настоящий он друг, Ящер. И бабок из казны об-щей отвалил. И сразу пять машин помог угнать. И команду на козла рыжего натравил, по два «куска» за тачку заставил отвалить. Словом, ему с Самоваром помог с долгами рассчи-таться и казну бабками пополнил.

– Смотри, Сема, – говорил он. – Хочешь дальше тачки

угонять – угоняй, дело твое. Можешь даже из команды людей взять, из тех, кто сам пойдет. Встревать не буду. Но учти, лично я в это дело не впрягаюсь. Если менты тебя вдруг зацапают, на меня и на других, кто в стороне, собак не вешай. Все на себя бери...

– И срок тоже... – невесело усмехнулся Сема.

– И срок свой сам оттянешь, – Вадим и бровью не повел. – За что боролся, на то и напоролся... Но в беде, ты знай, мы тебя не бросим. И адвоката классного найдем, и судьям на лапу дадим. Так, Гендос, или нет?

И он посмотрел на «адвоката» – так иногда называли Гендоса, студента с юридического.

– Так, – кивнул тот. – Знаю я одного пройдоху, любого из петли вытащит...

– Ну, до петли, думаю, дело не дойдет, – продолжал Вадим. – Короче, всю казну нашу растрясем, но в беде не оставим. И всех, кто загремит с тобой или без тебя, тоже...

Вот для чего, значит, еще казна нужна...

– Все будет путем, Ящер. Как скажешь, так оно и будет, – сказал Сема и хлопнул своей ладонью о его ладонь.

Он решил продолжать дело с краденными машинами. Самовар уже не раз показывал ему всякие штучки, научил и дверцу открывать, и мотор заводить. Наука хитрая, но он ее почти осилил. И управлять машиной научился. Худо-бедно, но до Краснинска и до Ржавого из Москвы дотянет.

И еще одного из их команды Леха натаскал. Сарай, он из

новеньких, но по годам, можно сказать, старенький. Из армии уже год как вернулся. Водителем служил. Автомобиль ему не в диковинку.

Работали парами. Он, Сема, с Лазарем, Леха со Шницелем, Сарай с Магарычом. Машины нахрапом не брали. Дня два-три присматривались к намеченной жертве, не меньше. И только после этого, если все чисто, угоняли тачку со двора, в котором ее привык ставить на ночь хозяин. С Ржавым особенно не церемонились. Но и не нагтели. По «куску» за машину, не меньше, но и не больше. А тот и не возражал. Да и куда он, крен рыжий, денется?

Угонять автомобили – дело прибыльное. Но, увы, подсудное. И если менты повяжут...

Лучше бы он о них меньше думал.

Случилось это летом, в середине июля. Кстати, школу тогда он уже закончил. С одними «тройками» в аттестате, да это, впрочем, не важно. В тот день, вернее, ночью, они с Лазарем угнали бежевую «четверку». К Ржавому из Москвы по объездным дорогам ее гнали, как всегда. На этот раз встречи с гаишниками избежать не удалось. Словно из-под земли вырос перед ними передвижной ментовский пост. Карающей десницей божьей в лучах фар высветился гаишный жезл. Только останавливаться никто и не думал. Сема лишь сильнее нажал на акселератор.

И тогда за ними взвыла сирена. И началось...

Ментовская «семерка» шла быстро, не отставая. Хуже то-

го, она приближалась.

– Что делать-то будем? – теряя самообладание, закричал Лазарь.

– А-а, не знаю, – протянул Сема, стиснув зубы. – Только тормозить не стану!

И тут впереди сначала по знакам, а затем и очертаниями своими замаячил железнодорожный переезд. А где-то слева загудел тепловоз, предупреждая о своем появлении. Шлагбаум был уже опущен. Но Сему это не остановило. В пылу азарта он проскочил под ним и выехал на другую сторону железнодорожного полотна. И сразу же сзади загрохотал колесами товарный состав, надолго перекрывая путь гаишникам.

– Й-есть! – заорал от радости Сема.

Почувствовав себя в безопасности, он на мгновение расслабился за рулем. Темнота и невнимательность сыграли роковую роль. Он не вписался в поворот и вылетел на обочину. Машину крутануло, и она правым своим боком врезалась в дерево.

По счастливой случайности сам он отделался несколькими ушибами. Зато не повезло Лазарю. Ударом его выбросило из машины, и он упал, стукнувшись головой о камень. Когда, пошатываясь, Сема подошел к нему, он продолжал лежать, не подавая признаков жизни. Похоже, бедняга уже не жилец на этом свете.

Повинуясь инстинкту самосохранения, Сема оставил друга и побежал, не разбирая дороги. Бежал через какие-то по-

ля, перелески, куда угодно, лишь бы только оказаться как можно дальше от места трагедии. Там, возможно, уже хозяйничали менты...

С неделю он скитался по окраинам Подмосковья, ночевал где придется, ел что попадет. Потом, стараясь не привлекать к себе внимания, заглянул в Краснинск, наведаясь в свой двор. Домой к себе идти не решился. А вдруг там засада! Но появился в подвал, к Ящеру. И первым, кого встретил там, была Ириха.

– Ты? – удивилась она.

– Я! А чего тут такого?

Но играть в жмурки с ней оказалось ни к чему.

– Не придуривайся, – отрезала она. – Тебя ищут.

– Менты?

– Они самые... Лазарь о тебе все рассказал.

– Он жив?

Сема не знал, то ли ему радоваться, то ли, напротив, биться головой о стену.

– Жив. Но стукнулся, конечно, сильно. Еле откачали... А вообще, он молодец. Кроме тебя, ни о ком и никому...

– А я что, фуфло? Я уже не в счет?.. Ну, спасибо тебе, Ириха, вот так порадовала...

Узнай о смерти Лазаря, он бы, возможно, мучился угрызениями совести. Ведь это по его вине они врезались в дерево. Но скорее всего никаких угрызений и не было бы. Лазарь хорошо знал, на что шел. Но он жив. И никакой от этого ра-

дости. Ведь он сдал его с потрохами...

– Слушай, Сема, ты волну не гони, не надо, – урезонила его Ириха. Уж кто-кто, а она умела приводить его в чувство. Хватало одного лишь ее взгляда. – Менты знают, что Лазарь был в тачке не один, не идиоты же они. Так или иначе, они бы вышли на тебя. Но при этом вышли бы на Ржавого. И на нашу команду. Так что Лазарь сделал верный шаг. Теперь менты уже никого, кроме тебя, не ищут...

– И волки сыты, и овцы целы... Ладно, проехали... Что же мне теперь делать?

– Для начала я спрячу тебя. На время спрячу, пока не сбавим тебе липовую ксиву. С этим проблем не будет. Знаю я одного человека, он сделает все как надо. А дальше... Дальше я дам тебе денег, «кусков» пять. Своих к ним добавишь и уйдешь в бега. Где-нибудь в Сибири затеряешься, новой жизнью там заживешь. – Иринка говорила это, глядя ему прямо в глаза.

– Пожалуй, вариант этот прокатит, – соглашаясь, кивнул Сема. И тут же спохватился: – Слушай, а чего это ты все решаешь? Где Ящер, черт его побери? Куда он замылился?

– Вадим в армии, – голос ее дрогнул. – А за себя он меня оставил...

– В армии? В какой еще на крен армии? – вытаращился он на нее.

Насколько он помнил, Ящер не собирался идти служить. Уже и врача нашел, и часть бабок ему авансом отстегнул,

чтобы «белый билет» оформили.

– В Советской, Сема. В какой же еще?..

– Он чо, гребнулся?

– Он правильно все сделал. Еще точно неизвестно, останутся ли менты. Может, следствие по твоему делу двинет дальше. Короче, он решил, что будет лучше, если он переждет смутное время в армии. Месяца два или три, не больше...

– Да ты че? Какие месяцы? В армии два года служат!

– Не волнуйся, Вадим знает, как свалить оттуда. Ты за него не бойся. Ты за себя бойся... Вот это номер!

Взгляд Ирихи был устремлен Семе за спину, и в нем отразилась растерянность.

Он обернулся и увидел двух мужчин в штатском. Один из них нагнулся, чтобы протиснуться в низкую арку входа в комнату-отсек.

– Гражданин Усик? – начальственным тоном спросил у него первый.

– Ну...

– Вы арестованы!

«Сливай воду, приехали! Станция „Писец“...»

Выследили его таки, шакалы! Мусора долбаные!

– Сема, ты не думай, я тебя не подставляла, – смущенно посмотрела на него Ириха.

– Ты чо гонишь?

Он ее ни в чем не подозревал. Не она навела на него мен-

тов. Не могла, да и не успела бы...

– Ты не думай, мы о тебе не забудем, – не своим голосом сказала она, когда на его запястьях щелкнули стальные наручники. – И я тебя никогда не забуду...

– Не забывай, – на прощание он окинул ее влюбленным взглядом.

Ведь он любит ее. Но, видать, не судьба им быть вместе...

* * *

Его забросили в «луноход», и начались скитания по длинным и мрачным коридорам субстанций с емким названием «неволя». РОВД, КПЗ, допросы, допросы... А дальше СИЗО – следственный изолятор. Страшное, зловещего вида здание с зарешеченными оконцами. Хмурые взгляды надзирателей, шумное «Стоять, лицом к стене!», лязганье замков, скрип дверей-решеток. И вот она, его камера, «хата».

Духота, нестерпимая вонь. Злые лица ее обитателей. Еще бы, им и без этого юнца тесно!

Семе стало не по себе. Он много слышал о жутких нравах, царящих среди обитателей тюрем. Оскорбления, избиения. Опустить, заточку загнать под ребро – здесь в порядке вещей.

Никто не сказал ему ни слова, ни доброго, ни худого; никто не ударил, когда он остановился посреди камеры. Но никто и не шелохнулся, чтобы подвинуться, освободить ему

место на нарах.

В камере сидело человек двадцать. Все раздеты до пояса, у большинства на груди и на плечах наколки – видно, не впервой за решетку угодили. Все уже в годах, мало кому меньше тридцати. Смотрят на него, восемнадцатилетнего юнца, кто с интересом, кто со злобой, а кто и с полнейшим безразличием. И по-прежнему никто не торопится освободить ему место.

А нахрапом, борзостью добиваться своего Сема боялся. Не тот расклад. Не с улицы пацаны перед ним, с ними его номера не пройдут. Быстро на место поставят, еще и опустят, чего доброго...

– Эй, люди, ну чего фраерка-то маринуете? – послышался вдруг чей-то насмешливый баритон.

Голос подал здоровый как бык мужчина с потной волосатой грудью. На плечах и на руках татуировки. Скуластое, с хищным прищуром глаз лицо. От него исходила опасность.

Он поднялся со своего места и подступил к Семе.

– Тебе, фраерок, видать, неважно уже стоять? – Он нахально взял Сему за подбородок и потянул лицом к себе. – Сесть побыстрее хочешь?.. А ведь ты уже сидишь, по сути. Хотя и стоишь. Ха-ха!

Ему, видно, нравилось чувствовать себя остряком.

Сема затравленно молчал. В его положении только это и оставалось.

– Годков-то тебе сколько?

– Восемнадцать, – выдавил он из себя.

– Паренек ты, я вижу, не издохлых... На чем погорел?

– Машины угонял...

– По сто семнадцатой залетел... Воровал, значит. Добро, добро. Вор – это звучит солидно. Но ты, все одно, – мужик. Законов наших не знаешь, порядков... Короче, нужен тебе знающий человек, кто тебя уму-разуму научит. Вот я опекуном твоим, хм, и стану... Меня, кстати, Прохором погоняют.

Прохор определил ему место на нарах рядом с собой. Посоветовал снять рубаху, душно, мол. Говорил с ним, что называется, по душам. Рассказывал о себе, о гоп-стопнике со стажем. Здесь оказался, говорил, по подозрению в убийстве. Разумеется, пострадал невинно. Уже две ходки на зону за ним, об этом он сообщил с гордостью. Порядки тамошние хорошо знает, может поделиться опытом. Красным брезговать, в «доме» на пол не харкать, «спасибо» никому и никогда не говорить, и все такое прочее... Только не сказал он, что порядки такие на «воровских» зонах. А сам он на «сучьих» парился... Говорил ему, Семе, рассказывал, а сам то рукой его по спине огладит, то плечо голое мягко так примнет.

А ночью, когда Прохор спал или делал вид, что спит, Сему скинули с нар и, не давая опомниться, начали бить ногами. Били, пока он не потерял сознание. Кто это делал, сколько их было, Сема не видел. Темно было, да и головы поднять не дали.

– Беспредел, в натуре, – покачал головой Прохор, когда узнал о случившемся. – Не принимает тебя, Меченый, толпа.

Меченый – такую кликуху приклеили к Семе из-за его рваной щеки. Хотя какая уж она, если честно, рваная. От прошлогодней раны остался лишь малозаметный рубец. Но все же...

– А чо я кому сделал? – стиснув зубы, процедил Сема.

Били его не абы как. По почкам, в печень, в живот, ногой в висок заехали. Сознание вышибли, но ни ребер, ни носа, ни челюсти не сломали. Лежи себе, козел побитый, отлеживайся. А ночью добавку получишь. Ожидание новой беды, казалось, витает в воздухе...

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Прохор. – Молодой ты еще. Хоть и крепкий на вид, но безобидный. Всякому охота покуражиться над тобой... А знаешь что?.. Я, так уж и быть, подпишусь за тебя. Мое слово люди слушают. Только скажу, даже пальцем тебя больше никто не тронет...

– Так скажи, – обронил Сема.

– Да? Не все так просто. Что я людям скажу? Не бейте его, он мой друг? Так это туфта. С каких это кренов у нас с тобой дружба?

– Ну, не знаю...

– А я знаю. Ты мне одну услугу окажешь, а я тебя за то прикрывать стану. И все поймут. – Прохор почему-то тяжело задышал.

– Какую услугу?

– А такую... У нас тут, понимаешь, не как в миру. Баб среди нас нету. Ни собак беззубых, на худой конец, ни кошек в валенках. А шишку-то попарить надо, без этого никуда. Природа требует!

– Ну а я-то здесь при чем? – в недоумении посмотрел на него Сема.

– А ты парень молоденький, в самом соку, скажем так. И не вонючий, как некоторые. Даже свеженький... Короче, ты вот тихонечко «тигриный глаз» мне свой подставь, а я тебе так же потихонечку и вдую. И знать никто не будет...

– Что? – окаменел Сема. – Ты что, педерастом сделать меня хочешь?

От возмущения у него задрожала нижняя челюсть. Нет, это ж надо! Какая-то уголовная мразь в «петуха» обратить его хочет. И не силой, а по согласию. Не на того напал, козляра!

– Ну так тебе от этого только добро будет, – продолжал Прохор. – Ты будешь моим личным «петушком». И никто тебя, кроме меня, трогать больше не будет. Соглашайся, а?

– Да пошел ты, ублюдок!

– Ну, ладно... Смотри, не пожалей...

«Урод долбаный!»

* * *

А ночью Сему опустили.

На него навалились сразу пятеро. Двое ухватили его за руки, двое других держали за ноги, а пятый стянул с него штаны. Он дернулся, пытаясь скинуть с себя насильников, но удар чем-то тяжелым сзади напрочь вырубил его – сознание погрузилось во тьму. Очнулся он от боли. Что-то мерзкое и скользкое входило в него сзади...

Весь следующий день уголовники похабно подмигивали ему, зазывно улыбались. В их глазах он уже был потаскушкой, но не дешевой. Он принадлежал лично Прохору, а тот никому не собирался передавать право вставить ему шершавого.

Сема люто ненавидел Прохора. Он ненавидел всех, кто его окружал. Он ненавидел весь мир!

– Ну так как, краса моя, сегодня ты полюбовно задок свой уступишь или мне снова силой тебя брать? – ближе к ночи спросил его Прохор.

Семе казалось, что повторения вчерашнего кошмара он не переживет. Нет, с него хватит!

– Я тебе уступлю! – в бешенстве выкрикнул он и, вложив в удар всю свою ненависть и силу, въехал Прохору кулаком в переносицу.

Тот остался в сознании, но при этом ушел в глубокий нокаут, поплыл, как говорят боксеры. Сема ударил снова – свернул ему челюсть. И тут же навалился на него всей тяжестью своего накачанного тела. Мощная шея Прохора оказалась в тисках не менее мощных рук.

Ни на мгновение не ослабил Сема свою хватку. Кто-то ухватил его сзади, пытаясь оттащить от жертвы, но он только крепче вцепился в нее.

Руки он разомкнул только тогда, когда глаза врага заволокла белесая пелена смерти...

Глава вторая

1

Бегать Артем любил. Ощущение легкости и короткого как миг полета бодрило, вдохновляло на преодоление новых километров. В училище он бегал каждый день по нескольку раз. Когда «трешку» возьмет, когда «червонец». И на той, и на другой дистанции он выполнял норму кандидата в мастера спорта.

Бежал и сегодня, в первый день своей службы в офицерской должности. Бежал впереди своего взвода, тридцати наголо обритых новобранцев. Нелегко им угнаться за ним. Но он нарочно не сбавлял темп. Хотел, чтобы его солдаты были такими же сильными и выносливыми, как и он сам...

Никогда не забыть ему первого дня своего прошлого, еще курсантского отпуска. Не думал он, что Ирина, эта красавица-дикарочка, откликнется на его любовь. А она не только откликнулась, но и подарила ему свою девственность. Как он гордился собой в ту незабываемую ночь. А потом...

Иринка ушла от него, когда он спал. Ушла, чтобы никогда не возвратиться.

С чего бы это он стал ей противен? Разговор с Леночкой, сестрой, расставил все по своим местам.

«Ты чего перед дурочкой этой унижаешься? – как-то спросила она. – Вчера тебя видела возле нее, сегодня. И все нос она от тебя воротит...»

«Обидел я ее, наверное. В тот вечер, когда она гостила у нас», – ответил он, думая, что все так и есть.

«Ты спал с ней?»

«О таких вещах я предпочитаю молчать».

«А я и не пытаю тебя... В тот раз Ирка была с тобой мила по одной лишь причине. Так и быть, открою секрет. – Леночка сделала паузу. – У меня есть парень. Только поклянись, что маме об этом ни слова...»

«А ты думаешь, я не знаю? – усмехнулся он. – Черноволосый крепыш с волчьим взглядом... Видел я как-то вас вместе... А маме, ты не переживай, я ничего не скажу. С какой стати?»

«Это ты верно подметил, взгляд у него как у волка. Жесткий, хищный. Все время что-то высматривает... Так вот, Вадим Ящуров не просто волк, он вожак волчьей стаи. Я сначала думала, что стая его из волчат. Гонору больше у пацанов, чем дела. Но нет, теперь я знаю, что они не попусту тратят время. Они занимаются тем, чем хотят заниматься. У них не просто уличная компания, у них банда. Да, да, самая настоящая банда, – в глазах Леночки стояло не осуждение, а восхищение. – Вот школу нашу они держат в кулаке не просто так, не из пустых амбиций. Им это выгодно, они имеют с этого деньги. Деньги! И это только начало... Но суть не в том...»

«А в чем?»

«В Вадиме и этой твоей Ирке. Любит она его. В его банде Ирка котируется очень высоко. Вадим ее ценит, но как женщину не любит. Он любит меня. Как мальчишка влюбился. А ведь мальчишкой его не назовешь...»

«Значит, Ирина любит другого...»

Ему нелегко было смириться с этим. Но пришлось. Лена говорила правду.

«Ага, другого... И знаешь, зачем к нам в гости приходила твоя Ирочка? А затем, чтобы Вадиму насолить! Да только он ее к тебе не ревнует. Ему одна я нужна...»

«А он тебе?» – спросил Артем.

А сам думал о другом. На душе было гадко при мысли, что им воспользовались как мусорной ямой, куда сваливают забродившие чувства и обиды.

«Нет, – покачала головой Леночка, задумчиво глядя куда-то вдаль. – Мне вообще из мужчин никто не нужен...»

А через три месяца после этого разговора их отец ушел в очередной заграничье. И Леночка перебралась обратно к маме в Москву. О Вадиме своем она и думать забыла. Возможно, он бы приезжал к ней: расстояние для влюбленного не помеха. Но она, не дура, «забыла» оставить ему свой московский адрес.

Сразу после окончания училища Артем отправился на две недели отдыхать в Ялту. Но после Крыма приехал в Краснинск. Первый офицерский отпуск как бы подвел черту под

четырьмя годами жизни в курсантской школе. И снова, в первый же день появления в городе, он случайно встретил Ирину.

Глупый, он заикнулся о своих чувствах. Но она метнула в него холодный, обескураживающий взгляд и серьезно, с металлическими нотками в голосе сказала:

«Ты уж извиняй, но в моей жизни есть человек, которого я люблю. Парень мой сейчас в армии. Когда вернется, не знаю. Но я буду ждать его. А ты не ищи больше встреч со мной...»

Ему было обидно до слез. Но, назло ей, он улыбнулся и безразличным тоном сказал:

«Что ж, придется искать себе другую подругу...»

Но ей было все равно.

А потом была Москва, прощание с матерью, с Леночкой, аэропорт Внуково. Он улетел в Астрахань, к новому месту службы.

Учебный полк дислоцировался на окраине города. Стандартный военный городок, ничем не примечательные казармы, штаб, плац. Лозунги, призывающие учиться военному делу настоящим образом. Только военному делу учили здесь не абы как – для войны учили, для войны в Афганистане.

Вчера он обустроивался. Снял комнату в добротном доме у одной женщины, перенес туда вещи, создал кое-какой уют. А сегодня уже принял свой взвод. Пока только на деле. Не на бумаге. Это потом будут оформлены всякие там акты, состоится приказ о назначении. А сегодня он в роте с пяти утра.

Прошелся по расположению, осмотрелся, с дневальными поговорил. А в шесть ноль-ноль – подъем! Заглянул каждому бойцу из своего взвода в глаза – и вперед, на зарядку. Кросс три километра. Послезавтра у них присяга. Нужно посмотреть, кто на что способен.

...А вот и финиш. Первым, не считая самого Артема, пришел худощавый парнишка с длинными ногами. Такие только с виду хиленькие, а изнутри крепкие и «дыхалка» работает, как паровозный котел. Те, что покрупнее и помощнее, держатся, как правило, в середняках, но это если мало тренировки. Пару месяцев таких «конных забегов», и будут действовать как заводные.

Вот этот, например, здоров как бык, могучий торс, ни грамма лишнего жиру, мышцы бугрятся. Культурист, сразу видно. Только дыхательный аппарат ни к черту. И в ногах слабоват. Бежит, коленки подгибаются, и дышит, жадно втягивая в себя воздух. Но старается, сдаваться не хочет. Трое за ним бегут, обогнать хотят. Но он пыжится, «напрягает поршня». Не дает обойти себя. Так и есть, никто его не опередил. Остановился бегун, присел на корточки, голову к самой земле приклонил. Отдышаться не может. Весь выложил. А ведь нужно встать, походить. Нельзя в таких случаях сидеть.

Артем подошел к нему.

– Встать надо, походить, – посоветовал он. – Нельзя сейчас сидеть. Вся сила в землю уйдет.

Ему нравилось ощущать себя командиром. В каждом сво-

ем слове чувствовать особый вес. Ему подчинялись, его слушались. Ведь он офицер, командир взвода, отец своим солдатам. Он многое знает и умеет из того, что пока не подвластно им, молодым.

– Ты, лейтенант, за меня не волнуйся. Никуда моя сила не денется. А бегать я буду еще быстрее тебя, – услышал он в ответ.

В словах бойца чувствуется твердость. Это неплохо. И стремление превозмочь себя. Это еще лучше. Но вот обращается он к офицеру на «ты». И в голосе никакого почтения к старшему. А это уже никуда не годится. Надо ставить парня на место. Иначе зарвется. И другим неповадно будет.

– Взвод, в две шеренги становись! – скомандовал Артем. Он повернулся к нахалу спиной и сделал вид, что целиком поглощен построением.

– А вы, товарищ рядовой, стойте здесь. – Провинившегося он в строй не пустил. Поставил рядом с собой.

Через десять секунд взвод построился, солдаты застыли в ровных шеренгах. Кое-что уже умеют, черти полосатые.

– Товарищи солдаты, я вас, а вы меня знаем не больше часа. Кто я такой, откуда родом, какими качествами обладаю, об этом вы узнаете позже: у нас будет достаточно времени для подобных разговоров. – Обращаясь к строю, Артем говорил как по писаному. Слова его выстраивались в ровные, строгие фразы. – Но вы уже знаете, что я – ваш командир взвода, в звании «лейтенант». Да, я ненамного старше

вас. Но это вовсе не означает, что я опущусь до панибратства с вами. У всех у вас было достаточно времени, чтобы прочувствовать суровый быт армейской службы. Знакомились с уставами, знаете, что такое субординация. И, конечно же, знаете, что военнослужащие обращаются друг к другу на «вы». Это положение особенно важно, когда солдат обращается к офицеру. Вот перед вами живой пример того, как не надо делать... Как ваша фамилия, солдат?

Только теперь он удосужился повнимательней разглядеть солдата. И лишь сейчас понял, что где-то уже видел этого чернявого парня с тяжелым взглядом. Не сегодня, не здесь, а на гражданке. Только тогда у него была другая прическа, не щетина из коротко стриженных волос.

– Рядовой Ящуров, – неохотно отозвался тот.

Вот оно, значит, как! Вадим Ящуров. Так и есть, это он, тот самый Вадим, дружок Леночки и тот, по ком сохнет Ирина.

Артем чуть было не поддался искушению обидеть, унижить своего соперника. Вадим в его власти. Он его подчиненный. Его можно растоптать, уничтожить... Но нет, он не опустится до подобной низости. Как и всегда, он будет сильным и справедливым. Вадим Ящуров останется для него обычным солдатом, таким, как все. И никакой предвзятости по отношению к нему.

– Так вот, рядовой Ящуров решил, что он вправе обратиться ко мне на «ты». Это непозволительно. Подобный

проступок достоин наказания. Но мне не хотелось бы начинать свою службу с наказаний. Поэтому на первый раз прощаю. Но если подобное повторится, снисхождения он больше пусть не ждет. Вам ясно, товарищ солдат? – нахмутив брови, зычным голосом спросил Артем.

– Ясно, – буркнул тот.

Он принимал его превосходство над самим собой как неизбежное зло.

– Становитесь в строй!

– Есть.

Ящуров принял строевую стойку. Начал движение с левой ноги и строевым шагом занял свое место в строю. Поворот кругом, руки на середине бедер, подбородок приподнят, взгляд устремлен вперед. Все по уставу. Только проделал он это вяло, без всякого желания заслужить похвалу.

– Взвод, направо! Бегом – марш!

Артем направил свое подразделение обратно в расположение части.

Весь день он занимался со своими подчиненными. Строевая подготовка, изучение материальной части, занятия по рукопашному бою. Он выжимал из своих солдат все соки. Уже объявлен был указ Горбачева о выводе советских войск из Афганистана. Малая вероятность того, что кто-то отправится за кордон. Но все же... А война, как известно, не терпит необученных солдат.

Вадим умел делать все как надо. Со строевой подготов-

кой ладил, и тактико-технические характеристики автомата выучил наизусть, и искусству владения холодным оружием обучался с прилежанием. Но опять же, делал все это молча, стиснув зубы. Если бы Артем похвалил его, он бы, наверное, воспринял это как смертельную обиду.

А вечером, перед самым отбоем, он подошел к нему.

– Товарищ лейтенант, можно на пару слов? – отзывая его в сторону, сказал он.

– О чем?

– Да о домашнем... Ведь мы с вами из одного города, с одного квартала...

– Значит, узнал меня...

– Узнал... Видел вас с Иринкой, тогда вы еще курсантом были... У вас с ней что, роман? – спросил он, улыбнувшись краешком губ.

– А ты не знаешь?

– Не-а, она мне ни о чем не рассказывала.

– Ну да, так я и поверил, – недоверчиво покачал головой Артем. – Бросила она меня. Ради тебя и бросила.

– Стало быть, у вас есть повод ненавидеть меня? – прямо спросил Вадим.

– Можно сказать, что есть. Но я не собираюсь вымещать на тебе свою обиду. Это просто глупо...

– Я вижу, вы настоящий мужик. – Вадим сказал это вовсе не для того, чтобы польстить. Он вообще, наверное, не умел льстить – так, по крайней мере, казалось Артему.

– Мечтал услышать... У тебя все?

– А я еще и не начинал... О Лене я хотел у вас спросить, о сестренке вашей, – выдавил он из себя.

– А что тебя интересует? – Артем всем своим видом показывал, что он ничуть не удивлен.

– Как живет, чем дышит... В общем, где она сейчас, как у нее дела?

– А то ты не знаешь, – вот тут он как будто бы удивился.

Хотя удивляться было нечему.

– Не-а, ничего не знаю. Хвостом она вильнула. В дураках меня оставила. Вот так...

– Что ж, бывает. От Лены всего можно ждать, непредсказуемый она человек... У нее все хорошо. В медицинский институт поступила, в Сеченовский, на лечебный факультет. Сбылась ее мечта... А ты напиши ей, поздравь, порадуйся вместе с ней. Может, у вас все и наладится...

– Она адреса мне своего не оставила.

– Так я тебе дам...

– Не стоит... Я не из тех, кто пятки бабе лижет, лишь бы обратно вернулась. Лена оставила меня. Значит, была причина. И причина одна. Гуляй, Вася, ты мне надоел... Привет ей от меня передавайте. И передайте, что я по-прежнему помню о ней...

Мария Викторовна, «хозяйка» Артема, сдавала для постояльцев половину дома: три комнаты с общим коридором и кухней. В одной из комнат жил он сам. В другой – командир взвода одной с ним роты, лейтенант, уже отслуживший в офицерской должности год, – он-то и помог ему снять жилье. Третья комната пустовала. В ней до недавнего времени жил капитан-холостяк, но «труба позвала» его в Афган, и он съехал.

А сегодня в этой комнате появилась квартирантка.

– Мама родная, какая девочка к нам в гости пожаловала, – с загадочным видом сообщил лейтенант Володя Артему, когда тот вернулся со службы. – Комнату рядом с твоей сняла.

Закончился второй день его пребывания в новой должности.

– Что за девочка? – спросил он, снимая с плиты чайник.

Сегодня у него был трудный день. Устал до чертиков. Ни о каких девочках не хотелось и думать. Но все равно где-то в глубинах его естества шевельнулся мужской интерес.

– Из Москвы, говорит, приехала. Зачем, не сказала. Я к ней и так, и этак, комплиментами закидал, а она только от-малчивается. Все мимо меня куда-то смотрит. Недотрога! А жаль, я бы ей отдался. – Володя блаженно улыбнулся. – Красивая, как картинка. Глазки, щечки, губки – взгляд не

оторвешь. А фигурка! Закачаешься! Но ничего, я к ней еще разочек подъеду. Авось не отошьет...

– Ну, ну, давай, пробуй, – усмехнулся Артем, наливая себе чаю. – Кстати, ты уже ужинал? У меня тут колбаса есть, консервы всякие...

– Спасибо, но я сыт... Ну все, не отвлекай, я пошел. Удачи мне пожелай!

– Ни пуха...

– К черту!

Володя исчез, в коридоре слышались его шаги. И стук в дверь. Вскоре он снова появился на кухне.

– Облом по полной программе, – развел обескураженно руками. – Даже не открыла. Спит уже, наверное, без задних ног. Не понимаю, как можно в такую ночь спать. Тем более одной...

– А какая такая ночь? – засмеялся Артем. – Ночь как ночь... Пусть себе спит одна, если хочет...

– Слушай, а мне совсем спать не хочется. Может, по сто граммов? У меня есть...

– Нет, – покачал головой Артем. – Где сто, там и двести... А мне завтра вставать.

Но выпить все же пришлось. Чуть позже.

– Ну как знаешь, – ничуть не обижаясь, махнул рукой Володя и собрался было уходить.

И в это время в дверях кухни появилась девушка, та самая, от которой завелся Володя. Воды пришла набрать.

Артем не поверил своим глазам. К крану с графином в руке подходила Ирина. Ирина! Ошибки быть не могло. Он бы из миллиона ее узнал. Это она.

– Ирина...

От удивления у него отвисла челюсть.

Она обернулась на голос и увидела его. Она его узнала. Но несколько не удивилась. Как будто и ожидала его здесь увидеть. Будто бы к нему и приехала. Но, увы, это было, конечно же, не так.

– Привет, Артем! – сухо поприветствовала она его, не останавливаясь. – Не удивляйся, это я...

– Я вижу... Каким ветром тебя сюда занесло?

– А тем, что и тебя с Вадимом...

– Так ты к нему приехала? – наконец догадался он.

– Ну не к тебе же... Присяга у него завтра. Имею право приехать?

Ирина набрала воды и направилась к выходу.

– Ты что, уже уходишь? – Ему вовсе не хотелось, чтобы она исчезла.

– А что здесь такого?

– Э-э, нет, так дело не пойдет! – вмешался в разговор доселе молчавший Володя. Все это время он в недоумении переводил взгляд с Артема на Ирину. – Старые друзья, как я понял, встретились, и что, расходиться?.. Нет, так не бывает. Без бутылки здесь не обойтись.

– Слушай, отстань, а? – Она не зло, но и без тени улыбки

глянула на него. – Достал уже...

– А ты, мать, не кипятись. – Володя нисколько не смутился. – Ты лучше меня послушай. Ты вот почему завтра снова в дорогу собираешься? Ты же на присягу к парню, как я понял, приехала. Побудешь с ним немного и уедешь? А ведь можно его и к себе на ночь забрать...

– Нельзя, – покачала головой Ирина. – Я уже узнавала. На ночь отпускают, только если родственники приезжают. И то, если близкие. А я ведь Вадиму ни сестра, ни жена. Хотя бы невестой была...

– Ерунда это все. Ты вот меня спроси, – не унимался Володя. – Может, твой Вадим у меня во взводе служит. А почему бы и нет?

– И что дальше? – Она глянула на него уже с интересом.

– А дальше, ты будь со мной поласковой. Глядишь, и отпущу на ночь к тебе твоего соколика. А надо будет, и на пару деньков...

– А может, мне к тебе еще и в постельку прыгнуть? – съязвила Ирина.

– Ну, ты меня обижаешь! Ты же к солдату приехала. К служивому. Вот если бы ты приехала ко мне...

– Смотри, какой благородный... В постель я к тебе прыгать не собираюсь. А вот если ты мне и в самом деле поможешь, я в долгу не останусь.

– Помочь он тебе ничем не сможет, – вмешался в разговор Артем. Он сидел и смотрел на Ирину мрачным взглядом. –

Вадим Ящуров в его взводе не числится.

– А ты откуда знаешь?

– Он в моем взводе. Он мне подчиняется.

– Вот это номер! – Ирина даже растерялась. – Ты и Вадим в одном полку, это еще куда ни шло. Но чтоб в одном взводе!

– Судьба слила нас в одну тарелку. Ничего не поделаешь.

– Да-а, дела... Так, может, мне, Артем, с тобой быть поласковее? Что мне сделать для тебя? – Ее голос снова наполнился злой иронией. – А может, ничего и не надо? Ведь Вадим, как бы это сказать, твой соперник. Вот возьмешь и не отпустишь его, даже на час. Назло всем. Ведь ты можешь это сделать. Скажи, ведь можешь?

– Могу, – сказал Артем, не глядя на нее. Он ненавидел ее такую. – Но не сделаю. А разговариваешь ты со мной в таком тоне зря. Я этого не заслужил...

– Да, я погорячилась. Прошу прощения... – Но в голосе ее не чувствовалось особого раскаяния.

– Ты не думай, увиваться за тобой я не собираюсь. Что было, то прошло. У тебя своя жизнь, у меня своя... Ты, кажется, куда-то шла? Иди, не задерживайся... А за Вадима не переживай, отпущу я его к тебе на ночь. Если он этого захочет...

– Захочет! – с вызовом сказала она. И скрылась в дверях.

– У-у, ты какая! – протянул ей вслед Володя.

– Она такая, – выдохнул из себя Артем.

– Знакомая твоя?

– Я ее любил.

По его тону можно было понять, что он продолжает ее любить и по сей день.

– Таковую любить опасно. Пиранья. Живьем съест... Может, хряпнем по чуть-чуть?

– Да не по чуть-чуть... Тащи!

Напиться и забыться, вот чего хотелось сейчас Артему.

* * *

На следующий день он снова увидел ее.

Молодые воины его взвода принимали присягу на верность Отчизне. Серьезные лица, парадная форма, белые ремни, сверкающие сапоги, голубые береты, натянутые до ушей. На груди – боевые автоматы. И слова клятвы на устах. Все они знали ее наизусть, но читали перед строем по листку, вложенному в красную папку.

Ирина стояла в толпе родственников. Артем старался не смотреть в ее сторону. Но глаза сами, как ракеты на цель, навелись на нее. Какая же она все-таки красивая и желанная!

Она же смотрела на Вадима. Но и Артему доставались ее взгляды. Хоть изредка, но она любовалась им, красивым молодым офицером, стройным, подтянутым. И ему это было приятно. Даже казалось, что она чувствует себя душой. Еще бы, ведь собственными руками душил свое счастье...

А потом было прохождение торжественным маршем. Раз-

вевающеся на ветру знамя полка, бравурные звуки оркестра, мерный шаг сотен солдатских ног. Красиво, торжественно. Артем шел легко, четко печатая шаг. Его выправке мог позавидовать всякий. Он знал это и гордился. На какой-то миг краем глаза он выхватил в толпе Ирину. Она стояла в нескольких шагах от него и улыбалась. Ему улыбалась!

– Рядовой Ящуров, завтра в семь утра быть в расположении полка, – суровым тоном сказал Вадиму Артем, на глазах у Ирины вручая ему увольнительную записку.

2

Вадим сидел в снятой ею комнате, на одном с ней диване. Выкупанный, распаренный, во всем чистом, ел сервелат, черную икорку, запивал шампанским.

– Ты уже разговаривала со своим? – спросил он ее.

– С кем это, со своим? – не поняла она.

– Ну, с лейтенантом Городецким... Тьфу ты, с Артемом Городецким... У вас же с ним вроде роман был.

– С Артемом? Разговаривала.

Она на секунду задумалась. Не ожидала увидеть здесь Артема. Вроде нравится он ей. К тому же он первый в ее жизни мужчина. А сегодня она откровенно любовалась им. Красавец-десантник, форма на нем как литая сидит. Аксельбанты. Блеск золотых погон. Сам весь торжественный такой, гордится, видно, своей службой. Таким она его еще не видела.

Да, что ни говори, он ей не чужой. Так почему же она так старается отдалиться от него? Наверное, отгоняет его от себя, как соблазн, как искушение. Боится, что он затмит собой Вадима? Но никто и никогда не будет лучше, чем Вадим!

Она решила сменить тему разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.